

Содержание

Введение	3
Глава 1. Социокультурная парадигма социального управления: наши надежды и опасения	5
Глава 2. Роль социального управления в преодолении социальной аномии	11
Глава 3. Устранение духовно-нравственных оснований социального порядка в контексте секуляризма	19
Глава 4. Проблема духовно-нравственного начала в русском культурно-историческом контексте	31
Глава 5. Перспектива одухотворения общественного устройства в постсекулярном обществе	37
Глава 6. Становление и реформирование государственной гражданской службы: социокультурный аспект	45
Глава 7. Корпоративная культура государственной гражданской службы города Москвы: состояние, проблемы, противоречия	61
Глава 8. Проблемы управления социокультурным развитием мегаполиса	77
Глава 9. Культура и право – антагонисты?	91
Глава 10. Концепция социокультурного воспроизводства России	97
Заключение	109
Список литературы	113

Введение

Настоящее время отмечено усиливающимся процессом развития специфических общественных формаций с чертами современности, но с сильным влиянием культурных и религиозных предпосылок, традиций и исторического опыта. Основной пафос исторического момента заключен в самостоятельном усвоении каждым народом глобального порядка и современности с опорой на собственные культурные традиции. Расширяющееся «конфронтационное отношение к Западу – замечает Ш. Эйзенштадт, - связано с радикальными усилиями, направленными на «отсоединение» современности от вестернизации, на отнятие у Запада монополии на современность, на усвоение современного мира, на современность в понятиях, укорененных в собственных культурных традициях».¹

Можно предположить, что доверие к политической элите в обществе определяется, в первую очередь, ее состоятельностью возглавить общественные усилия по конструированию своей современности и обеспечить социокультурное воспроизводство нации. Между тем российское общество, неоднократно сталкиваясь с несогласованностью политических и управленческих мер, направляемых на поддержание целостности и устойчивости социума, с субъектно-культурным, ценностно-смысловым и нравственным пластом человеческой жизни, априорно обрекается на недоверие к власти.

Важнейшая причина видится в том, что современное развитие России конструируется в контексте эконоцентризма. В границах эконоцентричной парадигмы культура (включая образование и науку) видится исключительно

¹ Эйзенштадт Ш. Новые религиозные констелляции в структурах современной глобализации и цивилизационная трансформация. // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2012, №1 (30). - С.53.

как сегмент экономики со всеми вытекающими отсюда последствиями: вопросы воспроизводства культуры решаются исключительно экономическими методами и с точки зрения экономической целесообразности, а не в целях повышения культурного и нравственного состояния общества. Поэтому актуальные социокультурные проблемы – интеграции общества, роста общественной солидарности, ценностной мотивации граждан, повышения социальной ответственности и преодоления коррупции и т.д. постоянно возрастают, не имея своего решения в логике экономоцентризма.

С другой стороны, экономика, выступающая как самоценная система, развивается вне границ культуры. Экономические и политические решения в данном случае не согласуются и не обуславливаются ни отечественными культурными традициями, ни историко-религиозным контекстом, поэтому они не обладают потенциалом преодоления глубокого социального и психологического отчуждения граждан.

Преодоление этого весьма негативного тренда видится на пути формирования социокультурной парадигмы государственной политики и государственного управления. Размышления по этому поводу и составляют суть настоящей книги. Ее содержательную основу представляют в основном лекции, подготовленные автором для Института профессиональной переподготовки и повышения квалификации Университета управления Правительства Москвы. Ряд из этих лекций был опубликован в виде статей, другие материалы публикуются впервые.

Глава 1.

Социокультурная парадигма социального управления: наши надежды и опасения

Глобальный кризис, охвативший развитые страны мира во второй половине XX века, выявил ущербность человеческой личности, воспроизводимой в современном социуме, в частности – низкий уровень ответственности и способности к самоконтролю. Осознание этого факта выявило развитие двух тенденций в системе социального управления. Одна из них связывается с усилением контроля человеческого поведения, в том числе на основе информационных технологий (что укладывается в логику развития техногенной цивилизации). Другая тенденция проявляется в формировании принципиально иного, человеко-развивающего, социокультурного подхода.

Согласно этому подходу становление социальной системы может быть рассмотрено как формирование социокультурной реальности, то есть совокупности ценностей, позволяющих людям видеть и понимать события, действия и ситуации схожим образом, придавать им близкий смысл. При этом культура, понимаемая как целостное представление о целях, ценностях и способах социального взаимодействия, является важнейшим принципом интерпретации ситуаций, возникающих как внутри социума, так и за его пределами. Поэтому становится важным, насколько члены социального сообщества интегрированы в единую систему культуры, воспринимая ее как «свою», насколько они готовы к изменениям в ценностной сфере в связи с переменами в условиях жизни и деятельности.

Иными словами, культура начинает играть роль ограничителя социальных изменений: изменения происходят в той мере, в какой они допускаются на уровне ценностных представлений людей. Преступление пределов здесь угрожает дезинтеграцией социума и асоциализацией индивидов.

Стало быть, социокультурный подход обуславливает взгляд на человека как существо, развивающееся в определенном социокультурном контексте. Управление социальной структурой означает в этом случае воздействие на человеческое поведение посредством изменения этого контекста. При этом интериоризованные (усвоенные и присвоенные), объективно существующие ценности входят в структуру личности, обретают статус мотивационных образований. Иными словами, интериоризованные ценности понуждают индивида изнутри поступать тем или иным способом. В результате этого не только снижается потребность во внешнем контроле, но и оказывается, что внутреннее понуждение действует эффективнее, чем внешнее. Правда, необходимо одно, но наиважнейшее условие - согласованность социокультурного контекста с традициями отечественной культуры.

Короче говоря, социокультурный контекст, в котором происходит инкультурация индивида, предположим в процессе трудовой стадии жизни, не должен находиться в ценностно-смысловом конфликте с тем социокультурным контекстом, в котором осуществлялась его социализация в детском и юношеском (дотрудовом) периоде. Это возможно только тогда, когда ценности организации трудовой деятельности индивида производны от отечественной культуры и обусловлены ее ценностями.

В том же случае, когда организационная культура вступает в конфликт с ценностно-смысловым контекстом, в котором проходила дотрудовая стадия жизни индивида, возникает явление ценностно-смыслового конфликта, вследствие которого может произойти разрушение ценностно-смысловой сферы личности. На практике этот факт проявляется следующим образом: индивид декларирует одни, как правило, социально желательные нормы, а ведет себя в соответствии с другими нормами, и случается, асоциально.

В целом в рамках социокультурного подхода возникает понимание того, что эффективное социальное управление – это не только изменение структуры,

технологии, знаний и навыков, но и изменение ценностей, которые лежат в основе совместной жизнедеятельности людей.

Представление о социальной структуре как социокультурной реальности позволяет понять, каким образом и через какие символы и смыслы осуществляется согласование деятельности поведения людей. Если технократический подход акцентирует внимание на технико-инструментальной стороне организации совместной жизнедеятельности, то социокультурный подход раскрывает возможность влияния на организационную реальность через язык, ценности, образцы поведения, традиции и ритуалы и т.д. Поэтому состоятельность политика или крупного государственного чиновника связывается с умением осуществлять символические действия, направленные на создание и трансляцию определенных смыслов².

С утверждением социокультурной парадигмы социального управления связываются большие надежды. Во-первых, расширяется пространство самоопределения человека. Будучи наемным работником, он, получает возможность сохранить свою субъектность, ибо отныне подчиняется не столько волевому воздействию руководителя, сколько в своем поведении добровольно следует той системе ценностей, которую он исповедует и которая является обязательной и для его руководителя. Появляется возможность конструирования субъект-субъектной схемы отношений в социальной системе, (когда независимо от иерархического статуса индивиды равны перед системой ценностей, обязательной для воплощения в их поведении). В результате открывается перспектива инновационного развития социальной системы, поскольку в трудовой деятельности удастся максимально задействовать личностный и профессиональный потенциал человека.

² См.: Управление персоналом: Учебник/ под ред. Т.Ю. Базарова, Б.Л. Еремина – М.: ЮНИТИ, 1998. - С.95.

Одновременно с этим, и это – во-вторых, возрастает устойчивость социальной системы. Дело в том, что снижение уровня принуждения в системе управления уменьшает вероятность возникновения протестного поведения и способствует возрастанию персональной ответственности.

В-третьих, ответственное поведение предполагает навыки самоконтроля. Самоконтроль – это веский аргумент в пользу минимизации внешних контрольных функций, а, следовательно, и удешевления содержания управленческой системы и актуализации систем самоорганизации.

Итак, утверждение социокультурного подхода к социальному управлению дает надежду на наиболее полную самореализацию индивида в процессе трудовой деятельности и на устойчивое развитие социальной системы. Очевидно, поэтому ряд авторов называют этот подход «гуманистическим».³

Между тем, в какой степени этот подход вселяет надежды, в такой же степени он внушает опасения.

Во-первых, он может привести к усилению манипулятивного характера управленческих действий и росту недоверия в социальных отношениях. Действительно, что может помешать государственному чиновнику высокого ранга в краткосрочной перспективе достичь своих узко эгоцентрических интересов посредством формирования той или иной социокультурной реальности? Вероятно, только два момента: преданность целям общего блага, превосходящая преданность своим интересам, и способность к самоограничению, т.е. то, что именуется духовно-нравственным потенциалом личности. Но теперешнее время отмечено дефицитом именно этого свойства человеческой личности, причем дефицит имеет такую степень выражения, что породил современный экономический кризис, захватывающий все новые сегменты экономики.

³ См.: Управление персоналом: Учебник/ под ред. Т.Ю. Базарова, Б.Л. Еремина – М.: ЮНИТИ, 1998. - 423 с.

Во-вторых, новые социокультурные реалии, возникающие по воле политического руководства, требуют своей легитимации, т.е. признания их управляемой стороной в качестве законных. Подобное обстоятельство неотвратимо ведет к мифологизации и идеологизации общественного сознания.

Предельной легитимацией для «правильных» действий в рамках определенной социальной структуры может стать их помещение в космологическую или антропологическую систему отсчета. Например, США начинают военные действия на территории Ирака для того, чтобы «освободить иракский народ от правителя-тирана» или американский народ не может противиться «божественному предназначению США покарать злодея-тирана». Причем, границы такой легитимации сопряжены лишь с границами изобретательности тех, кто этим занимается.

Так, З. Бжезинский, критикуя идеологическую доктрину борьбы с международным терроризмом как системообразующий принцип американской политики безопасности, предлагает заменить её на доктрину глобализации, для обеспечения с её помощью легитимации глобальной гегемонии США. «Глобализация - пишет З. Бжезинский - стала модной идеологией постидеологической эпохи. Она несет в себе все черты идеологии: она оказалась исторически своевременной, была обращена к ключевым властным элитам, обладающим общими интересами, содержала критику того, что следовало отрицать и обещала лучшее будущее. Таким образом, глобализация заполнила основной пробел в новом статусе Америки как единственной мировой сверхдержавы. Международная мощь в её политическом и экономическом измерении ... нуждается в социальной легитимации. Эта легитимация необходима как руководящей, так и подчиненной стороне. Первые добиваются признания, потому что оно дает им чувство уверенности, ощущение миссии и моральную силу для достижения собственных целей и защиты своих интересов. Последним это необходимо для оправдания своего подчинения, для облегчения приспособления к этому статусу и пребывания в нем. Доктринальная легитимность снижает издержки, свя-

занные с осуществлением власти, притупляет протест со стороны тех, кто является объектом этой власти. В этом смысле глобализация является естественной доктриной глобальной гегемонии США»⁴.

Как видим, априорно не существует никаких ограничений для того, чтобы легитимировать какие-либо действия или деятельность не только отдельного лица, но и целого государства.

Между тем, усиленная мифологизация и идеологизация общественного сознания ведет к отчуждению, «выключению» человеческого потенциала из сознательной социальной деятельности. Отчуждение всегда выступает как сужение пространства саморазвития человека, его творческой самореализации, его движения к человечности. Как результат глубокого отчуждения существуют личности, которые лишь частично наделены подлинно человеческими чертами, а случается – и античеловечными.

В логике изложенного становится очевидным, что социокультурная парадигма социального управления не есть панацея от безответственности. Напротив, через отчуждение она может усугубить безответственность человеческого поведения, которой заражен современный социум и таким образом «свести на нет» все вышеизложенные достоинства.

Остается вопрос, существуют ли условия, при которых социокультурный подход способен проявить свои сильные стороны? На наш взгляд, это возможно только в одном случае, если в социальном управлении культурно-гуманистическая функция будет доминирующей, т.е. станет преобладать над политической, экономической или административной функциями. Иными словами, критерием оценки социального управления становятся не столько макроэкономические показатели, продвижение тех или иных социальных программ и проектов как таковых или усиление влияния определенных идей, групп или партий, сколько возвращение духовно-нравственного потенциала человека,

⁴ Бжезинский З. Выбор: Мировое господство или глобальное лидерство. М., 2005.- С.188-189.

обеспечение условий для его наиболее полной самореализации. Качество личности, воспроизводимой в социуме, ее духовно-нравственное и физическое здоровье должно стать основной целью социального управления.

Глава 2.

Роль социального управления в преодолении социальной аномии

Социальное управление, в самом общем виде понимается как воздействие на социальные процессы. Хотя о социальном управлении в настоящее время немало говорится и пишется, его сущность остается не совсем проясненной. В постсоветское время в течение продолжительного периода оно воспринималось исключительно как управление совокупностью учреждений производственных отраслей общественного производства, которая рассматривалась как социальная сфера.

Позднее приходит понимание того, что совокупность учреждений производственных отраслей - это не вся социальная сфера, а только её часть, получившая название «социальной инфраструктуры». Основным же в социальной сфере является широкий круг отношений между социальными субъектами (людьми и их объединениями), то есть социальные отношения.

В социальном управлении начали выделять государственное и негосударственное (общественное) управление. Государственное управление - это политическое и административное управление, а негосударственное - муниципальное управление, местное самоуправление, управление в предпринимательстве, профессиональное управление.

Однако заметим, что в структуре государственного управления «социальная сфера» связывается исключительно с материальным аспектом социальных отношений (льготы, пенсии, заработная плата, стоимость и качество про-

дуктов и т.д.). Культурная же составляющая социального взаимодействия - ценностно-смысловая система культуры (ценности, нормы, образцы поведения, идеалы и др.), делающая возможным подобное взаимодействие, остается за границами внимания государства.

Факт разделения социального и культурного начала в социальном управлении имеет чрезвычайно печальные последствия: общество становится все более дезинтегрированным, социальные отношения антигуманным, а человек дезориентированным, что проявляется в нарастании социальной дезорганизации.

Так, за годы реформ выросли не только масштабы и темпы роста преступности, но доля преступлений, непосредственно направленных на жизнь, здоровье и имущество граждан. Большую опасность представляют численно возрастающие молодежные группировки, которые, по сравнению с западными молодежными группировками, отличаются высокой делинквентной активностью, этнической гетерогенностью и связью с организованной преступностью: их члены образуют молодой резерв мафии. Кроме того, российские группировки, в отличие от западных, репрезентируют и воспроизводят тюремные нормы и ценности. Их также характеризует нетерпимость к представителям иных молодежных культур.⁵

За период общественных реформ значительно возросло употребление алкоголя. Злоупотребление спиртными напитками, по данным Всемирной организации здравоохранения, является третьей по частоте (после сердечно-сосудистых и онкологических заболеваний) причиной смертности в современном мире. В России в 1990-2004 гг. ежегодно от алкоголя преждевременно умирали от 400 до 700 тысяч человек.⁶ Вырос и уровень агрессии в отношениях. Результаты исследования насилия на свиданиях в России показали, что бо-

⁵ Салагаев А. Л., Шашкин А. В. Молодежные группировки - опыт пилотного исследования. // Социс, 2004, №9. - С.52.

⁶ Тапилина В. С. Сколько пьет Россия? Объем, динамика и дифференциация потребления алкоголя.// Социс, 2006, №2. - С.85 – 89.

лее половины студентов, принявших участие в исследовании, подвергались и сами совершали психологическую агрессию в отношении своего партнера. Одна треть из них относится к категории наиболее грубой агрессии, то есть наносящей серьезный психологический ущерб другому человеку. 25 % студентов стали жертвами одной или более физических атак со стороны своего партнера. 29 % - сообщили о том, что сами совершали физическое насилие против своего партнера. Эти данные согласуются с большинством подобных исследований в США и Канаде. Максимальный уровень обнаружен в штате Луизиана (США) - 44,7%. Что касается «тяжелых» форм физического насилия, то здесь лидирует Россия.⁷

К этому следует добавить коррупцию, которая как ржавчина, разъедает все звенья государства. Так, с начала 2013 года выявлены конкретные факты масштабных хищений, в первую очередь, в системе Министерства обороны РФ.

Словом, современное российское общество демонстрирует глубокую социальную аномию, имеющую, как следует полагать, в первую очередь, социокультурную природу. Это обстоятельство указывает на ущербность теоретико-методологической основы государственной социальной политики.

В последнее время все чаще признается, что миссия социального управления состоит в сознательной поддержке процессов самоорганизации, раскрывающих потенциал человека, и в сдерживании при этом дезорганизаций, несущих опасность разрушения целостности социума и дегуманизации социальных отношений⁸.

При этом развитие процессов социальной самоорганизации связывается с актуализацией ценностно-смыслового аспекта социального управления. Это обусловлено тем, что потенциал самоорганизации определяется, во-первых, не столько изменением отдельных параметров общества, сколько интеллектуаль-

⁷ Лысова А. В. Насилие на свиданиях в России. // Социс, 2006, №2. - С.100-101.

⁸ Романов В.Л. Социальная самоорганизация и управление. // Социальное управление: Курс лекций.- М.: РАГС, 2000. - С.22.

ным и нравственным развитием его членов. (Бьюкенен, Иноземцев, Фукуяма, Этциони, и др.)

Во-вторых, он определяется потребностью в иной структуре мотивации поведения людей, в иной личности. (Иноземцев, Степин, Эммонс и др.)

В-третьих, потенциал самоорганизации востребует иные ценностные регуляторы поведения людей. Крепнет убежденность в том, что «общий язык добра и зла» может соединять людей более сильно, чем общий интерес. (Бьюкенен, Иноземцев Фукуяма, Этциони, и др.)

В целом в начале XXI века аксиология начинает играть важную роль в процессе анализа различных социальных практик - образовательной и социокультурной деятельности, экономики, политики и управления.

Действительно, человеческая жизнь невозможна без целеполагания, которое, в свою очередь, невозможно вне ориентации на ценности, понимаемые как положительная значимость или функция тех или иных явлений в системе общественно-исторической деятельности человека. Явления, играющие отрицательную роль в общественной жизни, могут интерпретироваться как отрицательные значимости. Ценностным является все то, что служит интересам индивида, способствует его физическому и духовному развитию.⁹

Поэтому не совсем корректно рассматривать в качестве основного ориентира социального развития рост материального благосостояния россиян, даже при том, что большая часть населения достаточно бедна. В качестве основной эта цель акцентирует внимание исключительно на чувственных потребностях индивида, то есть инициирует его к самоутверждению (вплоть до силовых форм) и самообогащению (без проявления щепетильности в выборе средств). В результате не в столь отдаленной перспективе мы придем к потребительскому обществу «российской модификации» - с крайним антагонизмом (явным и латентным) в социальных отношениях, что принудит общество возжелать всего того, что олицетворяет «твердую руку» и «железный порядок».

⁹ Алексеев П.В. Социальная философия. – М.: Изд-во «Проспект», 2005. - С.125.

Очевидно, что низкий уровень жизни россиян выступает серьезным препятствием к социализации, являясь питательной средой девиаций: неудовлетворенные «низшие» потребности обретают характер ценностей, побуждающих, в том числе к асоциальным действиям. Однако эта ситуация усугубляется тем, что обогащение становится социальным идеалом. Иными словами, как только общество в качестве ориентира своего движения декларирует рост материального благосостояния, корысть и сила начинают торжествовать в общественной жизни.

Это не значит, что мы должны прозябать в бедности. Это значит, что в своем стремлении к достатку, мы не должны терять человеческое обличье. Более того, именно человеческий лик бытия, проявляющийся в истинно солидарных отношениях, есть показатель правильности нашего пути, который обусловлен фактом преобладания в обществе культуры определенного типа, в контексте которой возможно развитие нравственного навыка самоограничения и самоконтроля граждан - основы самоорганизации общества.

Теоретически ситуацию можно изобразить следующим образом: государство стремится передать обществу широкие полномочия, связанные с формированием и поддержанием общественного порядка, общество стремится принять эти полномочия. В этой логике государство, во-первых, акцентирует внимание на качестве личности. Можно сказать, его миссия - помочь человеку стать, быть и оставаться Человеком при различных социально-экономических и исторических условиях. Во-вторых, государство принимает на себя роль защитника ценностно-смысловой системы, на основе которой зиждется общественное согласие и общественный порядок.

Важная роль в этом процессе принадлежит территориальному управлению. Территория может объединить людей. Здесь можно «дотянуться» буквально до каждого – одинокого старика и неблагополучного подростка. Социальные различия между территориями способны трансформироваться в устойчивую систему личностных смыслов этих территорий. В связи с этим можно

вести речь о территориальной идентичности как переживаемых или осознаваемых смыслах системы территориальных общностей.

Территориальная общность с помощью ценностей и норм, разделяемых жителями, могла бы значительно упорядочить стихию «улицы», что в современной ситуации было бы чрезвычайно полезно. Одновременно территория в состоянии создать своего рода «буферную зону», то есть систему муниципальных учреждений и общественных организаций, обеспечивающих реальный переход от девиантного поведения к институциональным формам социокультурной активности (например, общество анонимных алкоголиков, ассоциация родителей наркоманов, спортивные секции для малолетних правонарушителей и т.п.)

В настоящее время программы профилактики и коррекции девиаций пытаются реализовать в учреждениях культуры и искусства и, надо сказать, без всякого успеха, поскольку подростки и молодежь с отклоняющимся поведением, как правило, обходят эти учреждения стороной.

Кроме того, территория, в отличие от производственных структур, способна обеспечить индивиду подлинное существование, наделенное личностным смыслом. Участие в воспитании и обучении детей, организация самодеятельных групп и активных местных сообществ, благоустройство своего квартала или города, озеленение улиц, совершенствование программ местного радио и телевидения - вот примеры свободной деятельности, осуществляемой на основе самостоятельного выбора целей, то есть в границах личностного смысла. Причем, здесь отсутствует свойственная «заорганизованным» формам активности финалистская психология. Очевидно, для реализации подобных идей необходимы разнообразные муниципальные проекты, обеспеченные соответствующими средствами и вовлекающие людей в трудовую деятельность по месту жительства.

Словом, потенциал территории как социализирующего агента достаточно велик. Однако, для его реализации придется изменить характер деятельности местных органов власти. Во-первых, им следует завоевать устойчивое доверие жителей. («Вспоминают только во время выборов».) Во-вторых, - «разбюрокра-

тяться» (думается, что за ворохом бумаг, не то что «дотянуться» до жителя, глаза поднять некогда). В-третьих, научиться выявлять и решать конкретные социокультурные проблемы территории, которые, в частности, проявляются в поведении жителей. (Очевидно, для этого необходимо оснащение соответствующими навыками и диагностическим инструментарием.)

Одновременно нуждается в изменении представление о жителе, который воспринимается исключительно как потребитель социально-бытовых услуг. С точки зрения местных властей, смысл жизни жителя обретается в стремлении к комфорту, а потому и основополагающей ценностью управления становится обеспечение более или менее комфортных условий жизни.

Не оспаривая мысли о важности достойных человека социально-бытовых условий, мы, тем не менее, считаем, что этого явно недостаточно. «Не хлебом единым жив человек». Ошибочно думать, что право чувствовать себя человеком является прерогативой сытого желудка, и что для нынешней сложной российской жизни духовные потребности являются непростительной роскошью.

Изменения в социальном управлении связываются и с изменением характера организационно-управленческих отношений. В настоящее время федеральный уровень настойчиво декларирует политику партнерства, в то время как муниципальные органы управления демонстрируют приверженность патернализму.

Похоже, что в действительности должно быть наоборот. Государство, выступает защитником ценностно-смысловой реальности общественного согласия (оно поощряет, поддерживает, а в случае девиаций наказывает), одним словом, осуществляет патерналистскую политику. Что касается муниципального управления, то здесь представляется целесообразным ослабление элементов патернализма в пользу инициирования социальной самодеятельности жителей.

Было бы чрезвычайно полезным распространение в России центров взаимной социальной помощи. Аналог этой организации, координирующей социальную самодеятельность жителей, имеется в Англии, Франции, Германии.

Но в этом случае муниципальное управление должно представлять собою «группоцентрированное лидерство»,¹⁰ то есть лидерство, направленное на создание условий для высвобождения конструктивных сил, скрытых в каждом человеке. Иными словами, основополагающей целью территориального управления должно стать «раскрепощение» социальной активности жителей.

Групповые проблемы требуют групповых решений и групповых действий. Поэтому для того, чтобы жители продвигались в направлении максимального использования своего потенциала, они должны, по крайней мере, иметь возможность участвовать в делах, непосредственно их касающихся. Отрицание такой возможности приводит к реактивному, протестному поведению. Похоже, что мы недооцениваем, как много в человеческом поведении является ответом на воспринимаемую угрозу со стороны власти и как мало инициировано самостоятельно.

Вторым условием, которое группоцентрированный лидер стремится создать для развития потенциалов жителей, является максимально свободная (в том числе и от манипуляций) коммуникация между всеми членами территориального сообщества. Во-первых, это способствует устранению антагонизма в отношениях. Группа, пребывающая в состоянии внутренней вражды, без общения очень редко способна на адекватное адаптивное поведение. Во-вторых, свободная коммуникация является основой достижения взаимопонимания, то есть формирования общей ценностно-смысловой реальности. Очень трудно прийти к согласию там, где члены сообщества интерпретируют ситуацию совершенно противоположным образом, то есть когда ситуация для каждого имеет свой смысл и этот смысл не воспринимается другими членами сообщества.

Наконец, социальная самодеятельность жителей обуславливается благожелательной атмосферой, основанной на терпимости и принятии другого человека.

¹⁰ Гордон Т. Лидерство и управление: группоцентрированный подход // Роджерс К. Клиентоцентрированная терапия. - М.: 1997. - С. 262.

Индивид только тогда будет актуализировать таящиеся в нем позитивные и конструктивные силы, когда он оказывается свободным от какого-либо давления, которое он может воспринимать как личную угрозу.

Общий смысл предлагаемого подхода к развитию социальной активности граждан состоит в том, что ограничения этой активности вносятся не на уровне целей, как это имеет место в настоящее время, а на уровне средств достижения целей. Иными словами, индивид свободен ставить перед собой цели социальной активности. Выбор этих целей остается за ним. Однако он ограничен в выборе средств достижения целей, при этом ограничения носят не только ресурсный, но и ценностно-смысловой характер, определяемый системой универсальных нравственных ценностей общественного бытия.

Глава 3.

Устранение духовно-нравственных оснований социального порядка в контексте секуляризма

Секуляризация понимается как процесс, посредством которого религиозное мышление, практика и религиозные институты утрачивают свое социальное значение.¹¹ Секуляризация прежде всего рассматривается как составляющая модернизации, как осмысление того, какое влияние оказывает на традиционные религиозные формы процесс перехода традиционного общества к современному. Этот переход обычно связывают с научно-техническим прогрессом, индустриализацией, урбанизацией, социальной дифференциацией, рационализацией и т.д. Секулярное виделось как основной религиозный процесс современности. Хотя теория модернизации оформилась к середине XX века, процесс секуляризации начался значительно раньше, в эпоху Реформации. Пройдя

¹¹ См.: Узланер Д. От секулярной современности к «множественным»: социальная теория о соотношении религии и современности// Государство, религия, церковь в России и за рубежом. - 2012, №1 (30). – С.10.

несколько этапов «разбожествления» человека и мира, секуляризация глубоко деформировала традиционное понятие духовности, сформированное еще в античности.

У древних греков духовность понималась как внутренний опыт души, который в отличие от внешнего опыта обладал высшей истинностью. Сократ понимал под душой мыслящую активность и нравственно ориентированное поведение. Душа, по Сократу, - это то, что нуждается в заботе и подлежит возвращению¹². Этот путь «возвращения души» позже назовут духовным развитием, а стремление человека к духовному росту - духовностью. Движение к духовности идет через самообладание. Духовный порядок и гармония души составляют человеческое счастье. С именем Сократа связан метод диалектики как способ освобождения души от иллюзий и приведения её к состоянию принятия и приятия истины. Таким образом, уже в теории Сократа духовность соединяется с нравственностью.

Платону принадлежит открытие сверхчувственной реальности, реальности идей (эйдос). При этом идея, для него, - не мысль, а сущность, порожденная Богом. Духовность означает приобщенность к сверхчувственной реальности, понимание идей. Духовность достигается через любовь. Любовь - это сила, соединяющая отдельную душу и мир идей¹³. С точки зрения понимания сущности духовности, интересны парадоксы Платона: «бегство от тела» и «бегство от мира», предвосхищающие понимание духовности в христианстве. И тело, и мир, для Платона, - воплощение зла. Движение к духовности - избавление от зла через познание и приобщение к сверхчувственному миру.

Духовность, по Аристотелю, - это метаэмпирическое, сверхфизическое начало в человеке, благодаря которому он обладает возможностью самосовер-

¹² Цит. по кн.: Ильичева И.М. Духовность в зеркале философско-психологических учений. - М., - Воронеж: Московск.психолого-педагогический ин-т, 2003. - С. 23.

¹³ См.: Платон Соч.: в 3 т. Т.1. - М., 1971. - С.321-354.

шенствования, что воспринимается Аристотелем, как высшее счастье. «Благо человека состоит в активности души, согласной с добродетелью»¹⁴.

Итак, в учении великих греков духовность имела нравственную основу и достигалась человеком путем усилий, преодоления и самоограничения.

Развитие концепции духовности личности связывается особенно с распространением христианства. Человек видится в трех измерениях - тело, душа и дух. Дух предстает как причастность Божественному посредством веры, как открытость человека Божественной мудрости и обретение новой (духовной) силы. Человек создан Богом по образу и подобию Божьему. Стремление достичь Божьего подобия понуждает человека принять волю Божью как свою собственную. Повиновение Божьим заповедям становится высшим благом и восходит к идеалу святости, которая воспринимается как итог духовного развития человека. Таким образом, духовность постигается смирением и чистотой помыслов и заключается в стремлении к внутреннему совершенству. (Бл. Августин, Ф. Аквинский).

Реформация, как казалось, была направлена на освобождение человека от уз Церкви и традиции, но в сущности своей она выступила фактором разделения духовности и религиозной мотивации. После чего энергия врожденной религиозной установки человека, на что указывает К. Юнг¹⁵, была направлена во внешний мир и реализовала себя в «обожествлении» различных социальных конструкций и социально-экономического успеха, породив новую «социальную религию».

Об этом говорит и Э. Фромм. «Способствуя развитию «свободы от...», - замечает ученый, - Реформация помогла уничтожить все ранее существующие взаимосвязи между отдельными индивидуумами, изолировав человека от себе подобных»¹⁶. Она принесла индивиду изоляцию и бессилие. Но человеку, для

¹⁴ Цит. по кн.: Реале Дж., Антисери Д. Западная философия от истоков до наших дней. В 4 т. Т.1 - СПб, 1994. - С. 156.

¹⁵ Юнг К.-Г. Архетип и символ.-М.:RENEISSANCE, 1991. – С.133.

¹⁶ Фромм Э. Бегство от свободы. Человек для себя. Мн.:ООО «Попурри», 1998. - С.90, 93.

того, чтобы избавиться от «чудовищного состояния постоянной неуверенности и от парализующего чувства собственного одиночества», замечает далее Э. Фромм, предлагается выход – развить деятельность, делать что-нибудь. «Но подобная активность исходит не от доброй воли, а от непосредственного внутреннего принуждения: *чтобы подавить в себе чувство неуверенности и собственного бессилия, индивидуум должен быть деятельным*»¹⁷. Да, были расширены горизонты свободы, но одновременно порождены новые формы зависимости. Э.Фромм полагает, что таким образом человек был психологически подготовлен к принятию новых для себя ценностных ориентаций на экономическую деятельность, успех и материальную выгоду.

Поэтому в Новое время духовность личности все более ассоциируется с совершенствованием человека, обусловленным его социальной и экономической жизнью: позицией гражданина, необходимостью жить с другими в согласии, собственным экономическим успехом (Р.Декарт, Г.В.Лейбниц, К.А.Гельвеций, Ж.-Ж. Руссо, Д.Вико, Ф.В. Шеллинг и др.)

Следующим фактором и этапом процесса секуляризации явилась эпоха Просвещения, которая характеризуется оптимистической верой в материальный прогресс и человеческий разум. Более того, зарождается секуляризованная «мессианская» традиция, в которой разум занимает место Евангелия. Согласно этой традиции, человек с помощью разума открывает наиболее глубокую сущность действительности и создает условия для материального прогресса. Считается, что человеческая мысль становится свободной, поскольку она самоуправяема и независима от Евангелия и религиозной традиции. Модным делается атеизм. Предметом моральной теории выступает просвещенный личный интерес: каждый ищет и должен искать наилучшее для самого себя.

Этот конструкт держится на вере в способность индивида осуществлять рациональный выбор средств достижения полезных результатов. Подобное по-

¹⁷ Фромм Э. Бегство от свободы. Человек для себя. Мн.:ООО «Попурри», 1998. – С.112.

ведение М.Вебер назвал «целевой рациональностью». Таким образом, Просвещение «разрубило» узел, удерживающий единство духовности и нравственности.

Культуры реагирует на подобное обстоятельство смещением образов сакрального. В формах сакрального начинают восприниматься общественные институты (в первую очередь, государство), порождающие и поддерживающие социальный порядок. Это означает не только изменение содержания сакрального – перевод его от духовных к инструментально-техническим формам существования и выражения, но и значительную трансформацию самих ценностей в культуре – утверждение утилитаризма, прагматизма и эгоцентризма. Именно вследствие этого со временем формируется представление (широко бытующее в настоящее время) о некоторых видах деятельности, как о духовной деятельности (занятия искусством, наукой и т.д.). Более того, возникает понятие «духовное производство» (К. Маркс), обозначающее сферу общественного производства и в смысловом плане слабо связанное с традиционной концепцией духовности.

Подобная трансформация определила начало развертывания в обществе ряда других процессов: отклонение культуры от трансцендентного вектора, сокращение субъектно-личностного пространства в обществе, преобладание объектно-системной составляющей по отношению к субъектно-культурной в социальном порядке.

Вследствие этого в общественной жизни все более утверждается функция приспособления индивида к социуму, а вместе с тем начинает преобладать тенденция на стандартизацию, унификацию и конформизацию человеческой личности во имя установления и поддержания социального порядка.

Наиболее отчетливо эта тенденция проявилась в философии образования западных стран. Она характерна для воззрений Д. Локка, И.Г. Песталоцци, в некоторой степени И.Ф.Гербарта и большинства последующих мыслителей. Пожалуй, последним педагогом, избежавшим соблазна низведения образова-

ния до процесса подготовки человека к выполнению его социальных функций, был Я. А. Коменский (1592-1670 г.г.).

В советское время тенденция на отношение к учащемуся как инструменту государственных целей и интересов стала преобладающей и в отечественной системе образования.

Культура, оставаясь источником образовательного материала, все более оценивается с точки зрения полезности определенных знаний и навыков в последующей трудовой деятельности ученика. Меняется и социальный идеал как конечная цель социального процесса. Акцентируется внимание на обогащении индивида знаниями («знание – сила» Ф.Бэкон), значение ценностно-смысловых регуляторов поведения минимизируется.

Утверждение рационализма и ослабление религиозной традиции в эпоху Просвещения имело ряд и других последствий, с точки зрения интересующей нас темы. Игнорирование просветителями иррационального и бессознательного содержания в психической жизни человека в контексте разрушения церковной традиции, конструктивно работающей с этим содержанием, создало почву для формирования и проявления массового психоза – абсолютно безответственных массовых агрессивных акций, многократно усиливающихся объединением людей в политические движения. Социально разобщенные и психически отчужденные индивиды постоянно испытывают потребность в каком-либо объединяющем начале, которое собирало бы их и давало бы выражение, чаще всего деструктивное, их бессознательным, иррациональным влечениям.

Итак, Реформация, Просвещение и последующая индустриализация с сопутствующей ей урбанизацией постепенно заложили основу такой социальной структуры, при которой прагматическое, рациональное знание оттеснило мир духовно-нравственных исканий человека в такой степени, что общество утратило способность образовывания человека, созидания его духовно-нравственного облика.

На сцену истории вышла масса «разобщенных, неустойчивых, отчужденных, озабоченных, бессильных и подавленных людей. Любое выводящее из равновесия, пугающее или возбуждающее событие...действует на этих потерявших почву под ногами людей: совершенно особым образом, вызывая «психическую эпидемию», наиболее характерным и ядовитым проявлением которых служат массовые политические движения»¹⁸. К несчастью, как правило, нравственность группы обратно пропорциональна ее величине: чем больше величина агрегации индивидов, тем меньше роль индивидуального нравственного фактора и тем больше каждый отдельный член ее чувствует себя освобожденным от ответственности за действия группы.

По мысли К. Юнга, «разнообразные современные *измы* дают выражение и мобилизуют именно те иррациональные влечения, которые были вытеснены и искажены односторонним упором на рационализм»¹⁹ в процессе секуляризации.

Начиная с середины XX – ого века исследовательская мысль фиксирует феномен бездуховности личности (Э.Фромм, В.Франкл, Х.Ортега - и – Гассет, А.Грамши, К.Юнг, В.Одайник, Й.Хейзинга, Г. Маркузе, П.А. Сорокин, В.С.Степин, В.М.Межуев и многие др.) Бездуховность трактуется как одномерность, «приплюснутость» смысловой сферы, приверженность индивида исключительно прагматическим смыслам, эгоцентризм, скудность ценностно-смысловых отношений с окружающим миром и другими людьми, преобладание утилитарного к ним отношения, конформизм, отсутствие индивидуальности, безответственность и непредсказуемость, преобладание рассудочности, даже хитрости над разумом в способах ориентирования индивида, отсутствие сквозного смысла жизни, приверженность ситуативным решениям, крайняя неустойчивость. Главной особенностью, характеризующей бездуховность личности, по мысли большинства исследователей, является отсутствие способности и по-

¹⁸ Одайник В. Психология политики. - М.: «ЮВЕНТА»,1996. – С.51.

¹⁹ Цит. по кн.: Одайник В. Психология политики. - М.: «ЮВЕНТА»,1996. – С.47.

требности к самотрансценденции, «замкнутость души», лишаящей ее возможности выйти за свои пределы и «переселиться в своего ближнего»²⁰. В силу этого бездуховный человек не может быть причастен ни интересам других людей, ни общественным интересам. Это значит, что в своей жизнедеятельности он руководствуется исключительно смыслами личной выгоды или, в лучшем случае – выгоды своего окружения, группы, клана, корпорации

Однако несмотря на множественные попытки обозначить явление бездуховности индивида, его массовидности социальный механизм воспроизводства этого феномена остается недостаточно раскрытым.

Проблема видится в том, что секулярное общество стремится сохранить свою целостность и устойчивость посредством целенаправленного блокирования способности человека к трансценденции. Как ни парадоксально, именно открытость человека трансцендентному миру, его способность выходить за границы социальной действительности в контексте секулярного мировоззрения видится как угроза общественному порядку. Так, П. Бергер и Т. Лукман убеждены, что «хотя открытость – миру и свойственна природе человека, преимущественные права на нее всегда предъявляет социальный порядок. Можно сказать, что свойственная природе человеческого существования открытость – миру всегда трансформируется (и, в сущности, должна быть трансформирована) социальным порядком в относительную закрытость – миру». На уровне смысла институциональный порядок представляет собой защиту от ужаса. Поэтому быть аномическим – значит быть лишенным этой защиты, быть одиноким, подверженным натиску кошмаров»²¹. Собственно говоря, здесь утверждается конформизация и деиндивидуализация личности как основополагающий принцип сохранения социального порядка

²⁰ Ортега – и – Гассет Х. Восстание масс. // Психология масс. – Самара: Издательск. Дом «БАХРАХ», 1998, - С.232.

²¹ Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. – М.: МЕДИУМ, 1995. – С.167.

Показательна в этом смысле и концепция «децентрализованной религии», принадлежащая Ф. Фукуяме. Ее суть состоит в отношении к религии как «инструменту социального порядка». Приветствуется приверженность религии, основанной не на истинной вере, а религии как «самому удобному источнику правил, порядка и общения»²². Иными словами, по мысли Ф. Фукуямы, религия, основанная на истинной вере, т.е. охраняющая связь человека с трансцендентным миром, несет опасность устойчивости общества.

Именно поэтому путь к вечности для современного западного человека полностью перекрыт и ему только остается сосредоточиться на своей земной жизни, на своем телесном существовании, найти в нем смысл и ценность. Это - «не кризис культуры, а попытка пересадить ее на новую и ранее чуждую ей территорию, на которой нет места бессмертию и вечности. Будь счастлив без сознания своего бессмертия – вот, что предлагается в новой жизненной установке»²³.

Для того, чтобы увидеть, как при этом деформируется человеческая личность, позволим себе выделить в ее пространстве две структуры – внешнюю (социальную) и внутреннюю (ценностно-смысловую).

Внешняя, социальная пространственная структура личности, соседствуя с пространством общества (социальным пространством), направлена на его освоение. Общество через социализацию и обучение унифицирует и стандартизирует личность, понуждая ее принять общие для всех социальные нормы и правила. Социальная структура пространства личности ответственна за поведение индивида под влиянием социальной роли, социального статуса, социальных институтов, имиджевых регуляторов, моды, этикетных норм, знаний, компетенций и т.д.

Внутренняя пространственная структура связана с пристрастным отношением человека к действительности: на ее основе происходят преобразования

²² Фукуяма Ф. Великий разрыв. – М.: АСТ, 2008. – С.326-327.

²³ Бауман З. Индивидуализированное общество. – М: Логос, 2002. - С.301.

действительности в сознании, а потому здесь особое значение приобретают ценности и смыслы. Воспроизводство внутреннего, ценностно-смыслового мира индивида обусловлено его связью со смыслообразующими реалиями. К таковым следует отнести вечные нравственные ценности, явленные в «высоких» образцах русской классической культуры и, конечно, в религиозной вере. Сопряжение иррациональной человеческой стихии с вечными нравственными ценностями всякий раз обогащает индивида уникальным духовным опытом, поддерживая его индивидуальность.

Если социальная структура пространства личности обеспечивает социальную мобильность личности, институционально поддерживая свободу ее выбора в практической деятельности; то благодаря внутреннему ценностно-смысловому миру, личность обретает жизненный смысл, способность к трансценденции, индивидуальность и субъектность.

Развитие внутреннего мира связано с формированием нравственно-ценностного отношения к жизни и предполагает одновременное движение от эгоцентрических устремлений к общечеловеческим представлениям, смысловой идентификации с миром, и от нестойких, эпизодически возникающих отношений к устойчивым и осознанным ценностно-смысловым ориентациям, сквозному жизненному смыслу.

Личностное пространство проявляется в движении от внутреннего мира личности к трансцендентному миру и от трансцендентного мира через ценностно-смысловые структуры личности к внешним, социальным пространственным формам. Именно связь с трансцендентным миром через ценностно-смысловые образования поддерживает ее трансценденцию, тем самым делает уникальным и неповторимым пространство каждой личности, охраняя ее субъектность, с одной стороны, и одновременно обеспечивает возможность творчества нового социального состояния, выражающего в большей мере человеческую сущность, с другой стороны.

Между тем в современной социальной философии продолжает доминировать секулярный методологический концепт, согласно которому абсолютным источником пространства личности рассматривается социальный мир²⁴, т.е. создается перспектива разрыва связи личности с трансцендентным миром, а соответственно – и устранение трансцендентных установок в социальном порядке, его «уплощение».

Под воздействием этих процессов внешняя, социальная структура пространства личности чрезмерно увеличивается, расширяется, а внутренняя, ценностно-смысловая, так называемый внутренний мир человека, – сжимается и истощается. Можно сказать, что в секулярном обществе отсутствует социальный заказ на развитие внутреннего, ценностно-смыслового мира личности.

Но, если социальная структура личности не опирается на ее развитые внутренние ценностно-смысловые пространственные образования, т.е. личностные ценности, она неотвратимо приобретает значение фактора принуждения. Это обстоятельство, в свою очередь, выступает причиной глубокого личностного отчуждения и бездуховности, чрезмерного индивидуализма и социальной безответственности. Что, в свою очередь, провоцирует усиление давления на личность со стороны общества путем усиления ее зависимости, т.е. сокращения свободы.

Исследуя эту проблему, Э.Фромм вскрыл своеобразный феномен разрушения внутреннего мира личности, который назвал «бегством от свободы». Итогом этого «бегства», по его мнению, становится авторитарная или конформная личность.

Авторитарная личность испытывает «горячее желание принизить окружающих людей, подчинить их своей воле, властвовать над ними, превратить их в слепые орудия...Жестоко эксплуатировать их, использовать в своих целях, об-

²⁴ См. к примеру: Устьянцев В.Б. Жизненное пространство человека: ценностные и институциональные начала // Современная парадигма человека. – Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 2000. – С.110 ; Барулин В.С. Основы социально-философской антропологии. – М.:АКЦ Академкнига, 2002. – С.247.

крадывать, забирая все самое лучшее, чем они обладают. Эта жажда может относиться не только к материальным ценностям и вещам, но и к духовному миру индивидуума, к его моральным, эмоциональным и интеллектуальным качествам, которыми владеет другой человек»²⁵.

Конформная личность «постоянно ощущает некую зависимость от внешних сил: будь то другие люди, природа или общество в целом. Она не горит желанием утвердить себя, как-то выразить, достичь чего-то; она просто-напросто находится в прямой зависимости от реально существующих, либо надуманных приказов этих внешних сил. Очень часто она даже не в состоянии выразить какое-нибудь чувство, характеризуемое фразой «я хочу», она потеряла чувство собственного достоинства, чувство собственного «я». Жизнь ей видится как что-то подавляюще огромное и сильное, что нельзя победить, а можно только подчиниться»²⁶.

Потеря собственной сущности превращает конформизацию в некий императив: человек имеет право быть уверенным в себе и в своем будущем, если ведет себя в соответствии с ожиданиями других. Однако расплачиваться ему придется полным отказом от своей спонтанности, индивидуальности и, что страшнее всего, свободы.

Между тем, конформизируя индивидов, общество тем самым подтачивает собственные устои. Общественная опасность конформизма состоит, прежде всего, в снижении уровня персональной ответственности. В любом групповом образовании вместе с частью личного мнения в общем лозунге размывается также часть личной ответственности, поэтому в современном мире необычайно возросла опасность абсолютно безответственных массовых акций.

Секулярное общество, будучи неспособным воспроизводить нравственно здоровую, духовную личность, испытывает к ней априорное недоверие, которое выражается в сокращении в социальном порядке личностного начала. С одной

²⁵ Фромм Э. Бегство от свободы; Человек для себя. Мн.: ООО «Попурри», 1998. – С.179.

²⁶ Фромм Э. Бегство от свободы; Человек для себя. Мн.: ООО «Попурри», 1998. – С. 177.

стороны, это ведет к усилению системно-объектного начала; с другой стороны, - к утрате культурой ее человеческого центрирования: мера человеческого перестает быть единственной и универсальной формой в выражении социальных процессов.

Социальный порядок, разрушивший трансцендентные установки и духовно-нравственный потенциал личности, потерял многомерность, глубину культуры, лежащей в его основании. Секулярное мировоззрение востребует только социально-инструментальную функцию культуры: знания, умения, компетенции, правовые нормы, моду и т.д., но остается «незрячим» к высшему благу, которое определяет целевую направленность общества в духовном, ценностно-смысловом аспекте.

Глава 4.

Проблема духовно-нравственного начала в русском культурно-историческом контексте

В русском общественном сознании вопрос духовности и духовно-нравственного развития личности занимает одно из ведущих мест и получает толкование, отличное от западной концепции.

Интересен факт, что восстановление равновесия между различными сторонами русской жизни вплоть до конца XVII века виделось не в правовом, не в государственном или каком-либо ином практическом действии, но в сфере морально-религиозной. Духовно-нравственное «очищение» воспринималось как способ самосохранения народа. «Токмо отринути великую ересь и всяко нечестие... Кто был блудник возлюби целомудрие или кто разбойник, или тать или клеветник, или судья неправедной, или посульник, или книги гадательные и волшебные на погибель держит, или ведует, впредь обещайся Богу таковых дел

не творить»²⁷. Этот факт свидетельствует о преобладании духовной составляющей в русской культуре.

Хотя первое упоминание о духовности встречается в сборниках нравочений и житейской мудрости «Пчела» (XII в.) и «Толковая Палея» (XIII в.), но совокупность религиозно-философских идей о человеке, смысле жизни, целях и путях духовного развития и воспитания личности начинает оформляться только в первую половину XIX века. Начало было положено Любоумрами и славянофилами (В.Ф. Одоевский, И.В. Киреевский, К.С. Аксаков, А.С. Хомяков, Ю. Ф. Самарин, С. П. Шевырев и др.). Во второй половине XIX и начале XX века проблема духовности и духовно-нравственного развития личности разрабатывается представителями русской философско-религиозной школы (В.С. Соловьёв, Е. Н. Трубецкой, С. Н. Трубецкой, Н. Н. Розанов, С. Н. Булгаков, П. А. Флоренский и др.)

После Октября 1917 года осмысление проблемы получило продолжение в трудах блестящей плеяды мыслителей русского Зарубежья (Н. А. Бердяев, В. В. Зеньковский, Л. П. Карсавин, И. А. Ильин, Н. О. Лосский и др.) В результате была разработана стройная теоретическая система, явившаяся актом мировоззренческого самоопределения русской культуры.

Концепция духовности в русской культуре имеет ряд особенностей.

Во-первых, духовность понимается как противление нравственному злу и свободный выбор добра. Нравственное зло - это отклонение от заповедей Бога. Поэтому духовно-нравственное развитие предполагает воспитание таких качеств, как сопротивление искушениям и соблазнам. Духовность не мыслится вне нравственности.

Во-вторых, с понятием духовности связывается идея соборности, которая понимается как духовное единение индивидов на основе взаимной любви друг

²⁷ Творения святейшего Гермогена, патриарха Московского и всея Руси. - М., 1912. - С.25.

к другу и абсолютных всечеловеческих ценностей²⁸. Моральные отношения строятся на соборной основе при соблюдении равноправия всех людей. Идея соборности актуализирует проблему воспитательной среды и социального устройства. В трактате «Оправдание добра» Вл. Соловьев полагает, что если общество поддерживает «зло» (животные инстинкты, индивидуализм, стяжательство и т.д.), то духовно-нравственное развитие личности становится проблематичным.

В-третьих, духовное всегда преобладает над социальным и определяет его. Социальные проблемы разрешимы только на почве духовного возрождения. Цель духовного развития выходит за пределы политики и экономики, она входит в более высокую сферу, определяемую религиозной настроенностью как высшей потребностью духа. Поэтому В.С. Соловьев полагает, что главная задача состоит в том, чтобы ввести религиозную картину мира в форму разумного свободного мышления. «Цельное» знание, по его мысли, не может опираться только на рациональное познание, оно обязательно восходит к религиозной вере, связывающей мир человека с божественным миром.

В-четвертых, духовность - не интеллектуальные изыскания, она обязательно включает в себя «деятельную» любовь, особого рода сердечность, предполагающую ответственность за зло, которое случается в мире.

Осмелимся утверждать, что принципиальное различие двух концепций духовности - западноевропейской и русской состоит в различном понимании свободы человека и как следствие этого – в различном понимании принципов общественного устройства.

Именно этим различием задается напряжение духовно-ценностному конфликту двух культурно-исторических систем – России и Запада. Прежде всего, следует заметить, что в русской философской традиции так же, как и в западной свобода человека воспринимается как основополагающая ценность. «Все досто-

²⁸ См.: Кларин В. М., Петров В. М. Русская религиозная философия воспитания XIX - XX вв. М.: МП. «Кодекс», 1994. - С. 39.

инство человека, - пишет Н.А.Бердяев, - все совершенство его по идее Творца – в присущей ему свободе. Свобода есть основной внутренний признак каждого существа, сотворенного по образу и подобию Божьему»²⁹. Следовательно, свобода человека predetermined Божьим замыслом, она неотъемлема от человека, ее нарушение есть величайший грех.

Однако, если в западной философской традиции избавление от давления извне рассматривалось не только в качестве необходимости, но и как достаточное условие для обретения свободы каждым человеком, то в русской философии свобода, в первую очередь, является выражением духовно-нравственного начала.

Понимание свободы как «осознанной необходимости» (К. Маркс) находит практическое воплощение в устранении разнообразных внешних ограничений на пути раскрепощения отдельного человека. Потенциальное стремление к абсолютизации этого процесса, восходящее к известному вольтеровскому суждению - «я с вами не согласен, но готов отдать свою жизнь за то, чтобы вы смогли высказать свое мнение», оборачивается моральным релятивизмом, пытающимся устранить различие между нормой и девиацией, добром и злом.

Следствием раскрепощения человека может стать его деструктивная, разрушительная деятельность – война, вандализм, экстремизм и т.д. «Общество потребления – это общество с пониженными требованиями, которое лишает людей напряжения. Люди, лишённые напряжения, склонны к тому, чтобы создавать его, и это может принимать здоровые и нездоровые формы»³⁰.

Одновременно раскрепощение человека ведет к феномену социального потребления, опасность которого состоит в том, что человек (как иронично отметил С. С.Аверинцев) и впрямь склонен расценивать счастье как причитающееся ему право, как должок, который ему никак не удосужатся выплатить.

В отличие от западных философов-просветителей, относящихся к человеку как гомогенному существу, русские христианские философы представляли чело-

²⁹ Бердяев Н. А. Философия свободы. - М.: «Сварог и К», 1997. - С. 133.

³⁰ Франкл В. Человек в поисках смысла. М.: Прогресс, 1990. - С.65.

века гетерогенным: зло и добро всегда сосуществуют в человеке, предполагая друг друга. Свободная воля ведет его то по дороге зла, то по пути добра. Поэтому в трудах русских философов важнейшее место принадлежит проблеме духовно-нравственного созидания и самосозидания человека. По их мысли, человек должен обладать «даром Свободы» - душевной способностью к соединению свободы с добром, с духовно-нравственными ценностями.

Между тем, принцип, основывающийся на личной свободе человека от каких-либо условностей и ограничений, кроме ограничений, налагаемых законом, представляет собой либеральный стандарт и используется в формировании современного социального порядка. Более того, этот принцип определяет понимание гражданских свобод, демократических институтов, рыночной экономики, свободной конкуренции, - всего того, что входит в понятие «современной цивилизации». В связи с этим в критическом отношении к либеральному стандарту, как правило, усматривается покушение на права и свободы человека, проявление тоталитарной и антигуманной угрозы.

Тем не менее, мы обнаруживаем иное содержание свободы в русской философской традиции. Здесь свобода понимается как осознанный выбор человеком добра и освобождение себя от темной власти инстинктов и злого начала. «Недостаточно человека освободить от внешнего насилия, как то думает социальная религия наших дней, нужно освободиться человеку от внутреннего зла. Человек должен стать внутренне свободным, достойным свободы и вечной жизни, действительно перестать быть рабом, а не надевать на себя костюм свободного»³¹.

Суть проекта общественного устройства, сформированного русскими религиозными философами, состоит в развитии ценностной ориентации на любовь: к Богу через человека, к человеку через Бога (В.Соловьев). Перед человеком раскрывалась перспектива, можно сказать, обозначалась его миссия – одухотворять социальный мир, пропускать через себя Бога в этот мир. Человеку предлагалось

³¹ Бердяев Н.А. Философия свободы. – М.: «Сварог и К», 1997. – С. 125.

трудиться, но трудиться так, чтобы преумножать в себе добро и ответственность за свое духовное восхождение. Пафосу как «можно больше свободы» здесь противостоит пафос «как можно больше духовности» как основания свободы.

Заслуга русских религиозных мыслителей состоит в том, что конструируя общественное устройство России, они, прежде всего, учитывали экзистенциально-духовный, культурный пласт ее бытия. В предложенном ими социальном порядке определяющая роль принадлежала культурно-субъектному фактору – личностному пространству выражения духовно-нравственного потенциала. Социальный порядок выступал как продукт и как результат усиления духовной сущности личности. Им удалось решить сложнейшую задачу – соединить свободу с мотивацией нравственного саморазвития.

Что же хотела сказать Россия Европе устами русских религиозных философов? - спрашивает В.М. Межуев, оценивая их вклад в мировую философскую мысль как диалог с Европой. «Не только, что она другая, не похожая на нее. Это и без того ясно. Скорее, она хотела призвать Европу к совместной защите общих для России и Европы духовных (христианских) начал человеческой жизни от обездуховляющего и обезличивающего зла западной цивилизации, которая, как уже тогда было ясно, все более распространяется по европейскому континенту. Неприятие этой цивилизации русскими мыслителями, сохранявшими свою связь с православием, стало отправным пунктом для всех их идейных построений. Не то, чтобы они были против европейской науки, образования, гражданских прав и свобод (никто из них не защищал крайних проявлений самодержавия или крепостного права), но все эти институты сами по себе, по их мнению, не могут служить основой общественного мироустройства, не могут возвысить человеческую жизнь до ее истинного предназначения. И искать эту основу следует не в каких-то «особых началах» русской жизни, а опять же в присущем европейскому миру «духе» христианства»³².

³² Межуев В.М. Россия и Европа: возможен ли диалог? // Личность. Культура. Общество. 2008. Т.Х. Вып. 1(40). – С.97.

Система взглядов русских мыслителей была практически изъята из российского общественного сознания более, чем на полвека, но высказанные ими идеи, вдохновленные православием, составляют содержательную сущность «русского гуманизма» (С.Кортунов), принципиально отличающегося от западного и лежащего в основании русской культуры.

Русский гуманизм, по мысли С.В.Кортунова, покоится на пяти ценностных блоках: «небесное выше земного; духовное (идеальное) выше материального; общее (коллективное) выше личного; будущее важнее настоящего; справедливость выше закона»³³.

Эти ценности одухотворяют не только великую русскую культуру, но они удивительным образом проросли и в советскую культуру и в значительной степени определяют русскую ментальность и по сей день. Ценности – продукт нашего культурно-исторического развития. Пока они живут в душах людей, которые добровольно идентифицируют себя с ними, они определяют их самопонимание современности.

Глава 5.

Перспектива одухотворения общественного устройства в постсекулярном обществе

На пороге XXI века интерес к проблеме духовности личности вновь обострился. Мы полагаем тому следующие причины.

Во-первых, в процессе обсуждения глобальных проблем современности, к которым, как правило, относят три основные (вызванные тремя качественно различными видами деятельности людей) экологическую, социальную и культурно-антропологическую, становится все более очевидным, что основная

³³ Кортунов С.В. Становление национальной идентичности: Какая Россия нужна миру. – М.: Аспект Пресс, 2009. – С.39.

проблема – проблема человека. Речь идет о техногенном перерождении человеческого духа. Так, В. С. Степин и В. И. Толстых, исследуя закономерности современной техногенной цивилизации, пришли к выводу, что в её основе «сугубо инструментальное отношение человека к миру, то есть превращение всего сущего в средство для индивидуального выживания». В результате несвобода человека не уменьшается, а увеличивается. «В угоду материальному началу люди жертвуют естественными, природными и духовными качествами»³⁴. Необходимость решения глобальных проблем современности практически означает пересмотр стратегии развития цивилизации, места человека в этом мире, переосмысление целей жизни человека и его поведения.

Во-вторых, стремительно разворачивающиеся инновационные преобразования социального мира понуждают осмыслить природу, механизм и условия успешно протекающего процесса адаптации индивида в контексте постоянных социальных изменений. Возникает понятие «современной личности», то есть наделенной неким качественным отличием, обеспечивающим устойчивость личности в условиях стремительных перемен. Так, в частности, предпринята попытка выделить некоторую совокупность черт, составляющих модель современной личности, к которой отнесены открытость изменениям, готовность к плюрализму мнений, ориентация на настоящее и будущее, а не на прошлое, способность к преодолению жизненных препятствий, высокая ценность образования, уважение достоинства других и др.³⁵

Иным подходом, при котором за основу модели современной личности принимается одно системообразующее свойство, является идея П. Бергера о способности индивида к переосмыслению как важнейшей черте современного человека³⁶. Но сразу же возникли возражения: самой по себе рефлексии явно недостаточно для успешной адаптации к социуму. Рефлексия вне вертикальной

³⁴ Степин В. С., Толстых В. И. Демократия и судьбы цивилизации. // Вопросы философии, 1996, №10. - С. 13.

³⁵ См.: Штомпка П. Социология социальных изменений. - М.: Аспект-Пресс, 1996.

³⁶ См.: Бергер П. Личностно-ориентированная социология. – М.: Акад. Проект, 2004.

размерности являет собою особый тип интеллекта - «технократическое мышление»³⁷. Формируется понятие «духовного интеллекта» как «контекста для выявления и организации умений и способностей, необходимых для адаптивного использования духовности»³⁸.

В-третьих, появились исследования, результаты которых доказывают, что основной причиной современного глубочайшего демографического кризиса России являются не традиционно предполагаемые неудовлетворительные социально-материальные условия, а духовно-нравственное состояние общества, эрозия традиционных смыслов российской жизни, подмена присущих российской цивилизации ценностных кодов³⁹. Отсюда доказывается тезис о необходимости государственно-управленческих действий, государственной политики по восстановлению духовно-нравственного потенциала нации.

В-третьих, обострение интереса к проблеме духовности связано с тем, что в условиях ужасающего падения нравов в России традиционные религиозные конфессии, в первую очередь, Русская Православная Церковь, стремятся сформировать в общественном сознании способность к обуславливанию ситуативных решений вечными истинами.

Одновременно в цивилизационных структурах глобального мира происходят масштабные изменения, в которых религия начинает играть заметную роль. Ш. Эйзенштадт говорит о возрождении религиозных, иногда в сочетании с национально-этническими – компонентов, их перемещении в самый центр национальной и международной политической деятельности; об активизации и переносе различных религиозных установок и форм деятельности во всевоз-

³⁷ См.: Зинченко В. П., Моргунов Е. Б. Человек развивающийся. - М.: Тривола, 1994.

³⁸ Эммонс Р. А. Психология высших устремлений: мотивация и духовность личности. - М.: Смысл, 2004. – С.311.

³⁹ См.: Сулакшин С. С. Российский демографический кризис. От диагностики к преодолению.- М., 2006.

можные политические структуры, нацеленные на конституирование новых политических идентичностей⁴⁰.

Согласно Ш. Эйзенштадту, религия становится самым важным фактором существования множественных современностей, поскольку, с его точки зрения, множественные современности укоренены в более ранних паттернах, которые, в свою очередь, кристаллизуются вокруг религии. В логике этих рассуждений можно сказать, что Русская Православная церковь выступает как религиозный актер в публичной сфере России. Для этого формируются соответствующие институты (Социальная доктрина РПЦ, Рождественские чтения, Всемирный Русский Народный Собор и др.), а также издается и благословляется к изданию соответствующая духовная литература.

Хотелось бы надеяться, что это - этап подготовки нового мировоззренческого самоопределения современной России. Во всяком случае, «когда мы принимаем во внимание, какое значение для человечества имеет религия и какое наука, мы можем без преувеличения сказать, что от решения вопроса об отношениях между ними нынешним поколением зависит дальнейший ход истории»⁴¹.

Традиционные академические исследования начинают постепенно включать в свой круг все новые и новые переменные - субъективное благополучие, самодетерминация, жизненные цели, смысл жизни, альтруизм, надежда, духовность.

В современной философии духовность исследуется с точки зрения познавательного, нравственного, аксиологического, эстетического, творческого аспектов. Она понимается как «показатель существования определенной иерархии ценностей, целей и смыслов» (Будева Л.П.); как «выход к высшим ценност-

⁴⁰ См.: Эйзенштадт Ш. Новые религиозные констелляции в структурах современной глобализации и цивилизационная трансформация. // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2012, №1 (30). – С.34-35.

⁴¹ Уайтхед А. Н. Наука и современный мир // Заблуждающийся разум. Многообразие вненаучного знания. – М.: 1990. - С. 450.

ным ориентациям конституирования личности и ее менталитета» (Крымский С.Б.); как «переживание человеком единства его внешнего и внутреннего бытия, и как установление гармонии внешнего и внутреннего» (Ильичева И.М.); как «высшее измерение человеческого бытия» (Франкл В.) и т.д.

Сильной критике подверглась когнитивная рациональность, особенно в виде крайних разновидностей сциентизма, которая нередко рассматривалась в качестве эталона Просвещения. Она «была лишена своего доминирующего статуса вместе с идеей «завоевания» или «овладения» окружающей средой, под которой понимались и общество и природа. Была поставлена под сомнение или же напрямую отвергнута обоснованность притязаний научного мировоззрения на доминирование, равно как притязание на истинность любого образа будущего, якобы присущему всему человечеству, образа, основанного на идеях прогресса или другого единого критерия (например, свободы), в соответствии с которым все общества могли бы быть сопоставлены или оценены»⁴².

В этом случае усилия государств Европы, направленные на реализацию либерального проекта Просвещения, в частности, на обеспечение привилегированного положения прав по отношению к коллективным благам, например, к национальной безопасности, воспринимаются Ю.Хабермасом как изоляция Европы от остального мира. «С точки зрения всемирной истории «окцидентальный рационализм» Макса Вебера предстает сегодня в качестве настоящего особого пути»⁴³.

Как полагает ученый, современное конституционное государство находится в опасности, поскольку баланс средств общественной безопасности, сложившийся в эпоху модерна, нарушен: «Рынки и административная власть вытесняют из все большего количества жизненных сфер общественную солидар-

⁴² Эйзенштадт Ш. Новые религиозные констелляции в структурах современной глобализации и цивилизационная трансформация.// Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2012, №1 (30). – С.41.

⁴³ Хабермас Ю. Между натурализмом и религией. Философские статьи. - М.: Издательство «Весь мир», 2011. – С. 111.

ность, т.е. координацию действий относительно ценностей, норм и языкового употребления, ориентированного на взаимопонимание. Поэтому даже в собственных интересах конституционного государства необходимо бережно обходиться со всеми источниками культуры, из каковых подпитываются осознание норм и солидарность граждан»⁴⁴, в первую очередь, - с религией. Не следует исключать того, полагает Ю.Хабермас, что мировые религии «несут в себе семантические потенциалы, способные оказывать вдохновляющее воздействие на общество *в целом*».

Для артикуляции необходимости взаимодействия религиозного и светского мировоззрений Ю.Хабермас вводит понятие «постсекулярное общество». По его убеждению, термин «постсекулярный» не только «выражает религиозным общинам публичное признание за функциональный вклад, который они вносят в воспроизводство желательных для общества мотивов и установок. В публичном сознании постсекулярного общества отражается скорее нормативное понимание, имеющее последствия для политического взаимодействия неверующих граждан с верующими»⁴⁵.

По мысли Ю.Хабермаса, для равномерной гарантии свободы религии светский характер государства служит теперь недостаточным условием. Справедливые нормы могут возникать лишь тогда, когда неверующие граждане учатся перенимать перспективы верующих, а последние - принимают участие в переводе религиозного содержания на общедоступный язык, показывая, что религиозные традиции не являются иррациональными или бессмысленными, что «они предохраняют от забвения те измерения нашего общественного и личного сосуществования, в которых прогресс культурной и общественной рационализации вызвал безмерные разрушения»⁴⁶. Пригодным методом для такого со-

⁴⁴ Хабермас Ю. Между натурализмом и религией. Философские статьи.- М.: Издательство «Весь мир», 2011. - С.106.

⁴⁵ Там же: - С. 106.

⁴⁶ Там же: - С.12

трудничества Ю.Хабермас считает «делиберативно оформленное демократическое волеизъявление».

Иными словами, основной заботой гражданского общества на данном этапе становится трансформация аксиологической системы общественного устройства как основания общественной солидарности.

В этом смысле Русская Православная Церковь выступает как катализатор позитивных изменений не только в современном российском обществе, но и в глобальном мире. X-ый Всемирный Русский Народный Собор, состоявшийся в Москве 4-6 апреля 2006 года, по сути дела актуализировал проект общественного устройства, сформированный русскими религиозными философами, и вновь пригласил Запад к защите духовно-нравственных устоев человеческого бытия. Оценивая результаты его работы, Патриарх Московский и всея Руси Кирилл (бывший в то время главой Отдела внешних церковных связей) подчеркивал, что Собор «признал ценность идеи прав человека, но отметил: одних только прав и свобод будет недостаточно. Неотъемлемые права и свободы человека, как политические, так и социальные, культурные и иные, могут реально работать и стать действительно универсальными только в том случае, если эти ценности будут соединены с системой морали, если понятие нравственной ответственности личности будет включено в корпус прав и свобод человека. Но когда одно отделяется от другого, то в цивилизованном обществе становятся неизбежными акты вандализма и насилия»⁴⁷.

Высказанные идеи нельзя полагать антизападными. Их цель скорее заключается в приглашении к диалогу, который открывает Россия, согласуясь с собственным культурно-цивилизационным поиском, в контексте которого пространством (и содержанием) трансценденции личности является духовность, а основанием свободы – нравственность. Это – призыв к духовно-нравственному наполнению идеи правового государства и универсализации ценностей, опре-

⁴⁷ Митрополит Кирилл: Участие в программе «Национальный интерес» (телеканал «Россия» 13.06.2006) [http:// www.mospat.ru/ archive/31791.htm](http://www.mospat.ru/archive/31791.htm), доступ 29.11.2012).

деляющих организацию общественной жизни, поскольку «недопустимо насильственное внедрение в историческую жизнь народов нормативного представления о правах и свободах человека вне связи с тем или иным конкретным культурно-религиозным контекстом»⁴⁸.

Таким образом, постсекулярная парадигма открывает перспективу восстановления ценностно-смысловой иерархии культуры посредством актуализации высшего, смыслообразующего трансцендентного уровня. Универсальность культуры, в свою очередь, обуславливает многомерность, универсальность социального порядка, включающего в себя, наряду с объектно-системными компонентами, широкое пространство духовно-нравственной реализации личности. Внимание общества к духовно-нравственной мотивации поведения людей суть форма социального заказа на развитие внутреннего ценностно-смыслового мира личности, выступающего основным условием устойчивого социального порядка. При этом пространство устойчивого социального порядка содержит в себе основные нормы, имеющие абсолютный характер и восходящие к мировым религиям, и вторичные нормы, имеющие относительный, т.е. изменчивый характер и являющиеся продуктом разума людей⁴⁹.

⁴⁸ Митрополит Кирилл: Участие в программе «Национальный интерес» (телеканал «Россия» 13.06.2006) [http:// www.mospat.ru/ archive/31791.htm](http://www.mospat.ru/archive/31791.htm), доступ 29.11.2012).

⁴⁹ См.: Сорокин П.А. Социальная и культурная динамика. – Спб.: Изд-во Русского Христианского гуманитарного Ин-та, 2000.- С.479.

Глава 6.

Становление и реформирование государственной гражданской службы: социокультурный аспект

Процесс становления и реформирования системы государственной службы Российской Федерации имеет несколько этапов⁵⁰.

Основы законодательного регулирования института государственной службы как важнейшего элемента государственного управления заложила Конституция Российской Федерации 1993 года. На протяжении последующего времени система российской государственной службы формируется на основе ее принципов. В том же году Президент РФ издал Указ, утвердивший Положение о государственной службе в государственных органах федерального уровня. Данное Положение стало первым комплексным нормативным правовым актом о государственной службе, в котором было дано ее определение. Документ должен был, по мнению разработчиков, способствовать формированию государственного аппарата из высококвалифицированных специалистов, стоящих вне экономических и политических влияний, и обеспечивать стабильность правового положения государственных служащих.

Принятый в 1995 году Федеральный закон «Об основах государственной службы Российской Федерации» стал этапом дальнейшего формирования нормативной правовой базы государственной службы. Этот закон имел более широкую сферу действия, охватывал службу в государственных органах и федерального, и регионального уровня. В нем было юридически закреплены определение понятия государственной службы как профессиональной деятельности по обеспечению исполнения полномочий государственных органов, а также принципы государственной службы. Законом был установлен правовой статус государственных служащих, ограничения, связанные с поступлением на госу-

⁵⁰ Нормативное правовое обеспечение реформирования государственной гражданской службы в России // Аналитический вестник Совета Федерации ФС РФ. – 2010, №14 (400).

дарственную службу, правовые гарантии, ответственность государственных служащих, порядок прохождения гражданами государственной службы.

Однако российское законодательство о государственной службе в этот период характеризовалось противоречивостью нормативных правовых актов о федеральной гражданской службе и о службе в отдельных государственных органах (органах прокуратуры, внутренних дел, таможенных органах). Это привело к тому, что в субъектах РФ начали складываться свои собственные подходы к правовому регулированию государственной службы.

На втором этапе (1996–1998 годы) в результате анализа системных недостатков существующей государственной службы был подготовлен ряд вариантов концепции административной реформы. В качестве основных определены следующие направления реформы – повышение профессионализма государственной службы и эффективности взаимодействия органов исполнительной власти и гражданского общества.

Однако Концепция реформирования системы государственной службы была утверждена лишь в конце 2000 года, на третьем этапе ее становления. Принципиальным положением Концепции явилось формирование единой системы государственной службы в стране. В качестве главных целей ее реформирования выступали следующие: повышение эффективности государственной службы в интересах развития гражданского общества и укрепления государства; создание целостной системы государственной службы с учетом исторических, культурных, национальных и других особенностей России. В результате реформирования государственная служба должна представлять собой целостный, базирующийся на единых принципах институт и включать в себя две подсистемы: федеральную государственную службу и государственную службу субъектов Федерации. Должны были быть созданы действенные механизмы предупреждения, выявления и устранения обстоятельств, способствующих коррупции и злоупотреблениям на государственной службе. Предполагалось повысить мотивацию госслужащих. Особое внимание было обращено на необходи-

мость реформирования системы государственной службы в условиях гласности и при участии институтов гражданского общества. Был издан Указ Президента Российской Федерации от 12 августа 2002 года № 885 "Об утверждении общих принципов служебного поведения государственных служащих".

Среди основных результатов, реализованных в ходе реформирования государственной службы, называется подготовка нормативной правовой базы механизмов, обеспечивающих единство системы функционирования трех видов государственной службы – гражданской, военной и правоохранительной. Так, в мае 2003 года был принят Федеральный закон "О системе государственной службы Российской Федерации", которым юридически закреплена видовая классификация государственной службы и ее деление на самостоятельно обособленные виды. В развитие указанного закона в 2004 году был принят Федеральный закон «О государственной гражданской службе Российской Федерации», который регламентирует вопросы государственной гражданской службы как одного из ее видов.

Современный этап становления и реформирования государственной службы определяется новой федеральной программой «Реформирование и развитие системы государственной службы Российской Федерации (2009-2013 годы)». В качестве основных направлений ее реализации называются: «формирование системы государственной службы как целостного государственно-правового института, создание системы управления государственной службой; внедрение на государственной службе эффективных технологий и современных методов кадровой работы; повышение эффективности государственной службы и результативности профессиональной служебной деятельности государственных служащих». Реализация программы включает два этапа. На первом - в 2009-2010 годах планировалось разработать и внедрить механизмы противодействия коррупции (предполагается, что отчасти эта работа уже выполнена), завершить разработку современных кадровых, образовательных, информационных и управленческих технологий и механизмов, обеспечивающих результа-

тивность профессиональной служебной деятельности государственных служащих. На втором этапе (2011 - 2013 годы) предстоит осуществлять мониторинг общественного мнения об эффективности государственной службы и результативности профессиональной служебной деятельности государственных служащих; провести комплекс мероприятий, направленных на повышение престижа государственной службы; сформировать механизмы обеспечения государственных гарантий для государственных служащих; обеспечить внедрение современных технологий на государственной службе; завершить формирование единой системы управления государственной службой.

Резюмируя изложенное, заметим, что значительный ряд запланированных задач оказался невыполненным. Трудно утверждать, оглядываясь на социальные реалии, что в процессе реформирования эффективность государственной службы возросла. Напротив, современная государственная гражданская служба как социальный институт переживает тяжелейший моральный кризис. Исследователи обнаруживают тенденцию трансформации групповой морали государственных служащих в сторону развития группового эгоизма⁵¹. Ярким проявлением этой тенденции является все возрастающая коррупция, углубляющиеся социальное отчуждение и социальная демотивация государственных служащих.

Можно полагать, что и заявленный новый этап реформирования государственной службы не сможет кардинальным образом преодолеть эти негативные тенденции. Дело в том, что результативность деятельности государственных служащих зависит не столько от факта оснащения их новыми технологиями, сколько от их возможности быть лично причастными к процессу освоения новых технологий, т.е. от их способности найти личностные смыслы в факте перехода на новые технологии деятельности. Очевидно, для того, чтобы игра состоялась, недостаточно разработанных правил игры, необходимо жела-

⁵¹ Бойков В.Э. Государственная служба. Взгляд изнутри // Социс, 2003, № 9. - С. 85-90.

ние игроков играть в эту игру. Как представляется, именно вопрос глубинной, личностной мотивации государственных служащих остается за границами внимания реформаторов.

Опираясь на человеко-ориентированный способ понимания общественной реформы, попытаемся сконструировать культурно-нравственный ракурс анализа реформирования государственной гражданской службы, при котором построение теоретической модели включает ценностно-смысловое измерение. Ценностно-смысловая глубина содержания реформы обуславливает и глубинную мотивацию государственных служащих, и их поведение в границах моральных норм, и нравственные основы взаимосвязи государственного аппарата управления и гражданского общества. Предметом анализа являются две программы: федеральная программа «Реформирование и развитие системы государственной службы Российской Федерации» (2009-2013 годы)» и «Городская целевая программа по административной реформе в городе Москве на 2011-2013г.г.»⁵².

Содержательный анализ понятия «нравственность» показывает, что, начиная с греческой античности, она понимается как мера человечности и личности, и сообщества. Нравственное измерение личности обнаруживает ее способность стать выше своего биологического (психофизиологического) Я и проявляется как показатель разумности и ответственности человека за себя и свое поведение.

Одновременно нравственность выступает как такая нацеленность людей друг на друга, которая предполагает навык самоограничения во имя общего блага и которая делает возможной сами эти отношения во всем их многооб-

⁵² Федеральная программа "Реформирование и развитие системы государственной службы Российской Федерации (2009-2013 годы)" // "Российская Газета". N 40 от 11 марта 2009 г. (столичный выпуск), N 41 от 12 марта 2009 г. (федеральный выпуск); «Городская целевая программа по административной реформе в городе Москве на 2011-2013г.г.» //«Вестник мэра и Правительства Москвы». 2010, №61.

разии. Можно сказать, что нравственность ответственна за человеческое общежитие, точнее за сам факт его существования в качестве человеческого⁵³.

Опираясь на изложенное понимание понятия «нравственность», можно полагать, что нравственный ракурс анализа процесса реформирования государственной службы должен помочь раскрыть в целях, задачах, содержании и механизмах реформы нечто такое, что могло бы понуждать «изнутри» государственного служащего к ответственному, целенаправленному поведению, основанному на навыке самоограничения во имя общего блага.

Что же такое это нечто, выступающее в качестве мотивации поведения государственного служащего? Это – ценности и смыслы, которые им воспринимаются и делаются элементами его внутренней культуры.

Заметим, что В Франкл, крупный австрийский философ и логотерапевт, рассматривает стремление к поиску и реализации смысла как врожденную мотивационную тенденцию, присущую всем людям и являющуюся основным двигателем поведения и развития личности⁵⁴. Бессмысленная деятельность, т.е. не подкрепленная личностными смыслами, не может быть эффективной. Более того, если человек не находит личностного смысла в каком-либо деле, он становится принуждаем к этому делу, т.е. отчуждаем от него.

Представляется, что проблема мотивации посредством трансляции смыслов и ценностей, не нашла достойного места в теории и практике государственного управления. Между тем, именно исповедуемые государственным чиновником ценности и смыслы определяют «высоту» или «низость» его поведения, поскольку ценностно-смысловая сфера личности обладает иерархической структурой.

Так, современный российский ученый Братусь Б. С. выделяет в смысло-

⁵³ См.: Гусейнов А.А, Апресян Р.Г. Этика. – М.: Гардарика, 1998. – С. 21.

⁵⁴ См.: Франкл В. Человек в поисках смысла. – М.: Прогресс, 1990. – 368 с.

вой сфере личности ряд качественно своеобразных уровней⁵⁵. Первый уровень ценностно-смысловой сферы - это эгоцентрический уровень, определяемый личной выгодой, удобством, престижностью. В этом случае окружающие люди рассматриваются как помогающие (удобные, «хорошие»), либо как препятствующие (враги, «плохие») их достижению. При этом порой внешне привлекательные и даже возвышенные намерения на самом деле имеют эгоцентрический характер, скажем, самосовершенствование, если оно направлено лишь на благо себе. Второй уровень – группоцентрический; определяющим смысловым моментом отношения к действительности на этом уровне становится близкое окружение человека, семья, клан, малая референтная группа. Третий уровень – просоциальный включает в себя общественную и общечеловеческую, то есть собственно нравственную смысловую ориентацию. На этом уровне проявляется ценностно-смысловая устремленность человека на создание таких результатов, которые принесут равное благо другим, даже «чужим», «дальним» людям, обществу, человечеству в целом. Четвертый уровень – трансцендентный, на котором устанавливается отношение к конечным вопросам и смыслам жизни, и которое вытекает из ощущения связи с Вечностью.

Эти уровни смысловой сферы Б. С. Братусь характеризует как смысловую вертикаль личности, которая, оставаясь невидимой, образует ее стержень.

Иерархизация ценностно-смысловой сферы позволяет придать личности масштаб. Именно с учетом этого масштаба мы ведем речь о величии личности и высоких деяниях (устремленных к общечеловеческим идеалам) и одновременно говорим о низости личности или низких поступках, то есть определяемых сугубо прагматическими, эгоцентрическими, «прижатыми книзу» смыслами.

Очевидно, что осуществляемая в настоящее время административная реформа должна быть обращена к высшим уровням ценностно-смысловой верти-

⁵⁵См.: Братусь Б. С. Психология. Нравственность. Культура. – М.: «Менеджер»; РОСПЕДАГЕНСТВО, 1994. – 160 с.

кали государственного служащего с тем, чтобы побудить последнего к преодолению эгоцентрических устремлений и проявлению ответственного и целенаправленного поведения, т.е. такого поведения, которое в России традиционно воспринимается как служение Родине.

Каким же образом эта целевая установка могла бы быть реализована в рассматриваемых программах?

На наш взгляд, большую смысловую нагрузку в подобных документах несет формулировка проблемной ситуации. Проблемная ситуация – это своего рода совокупность общественных ожиданий, потребностей и требований, которую государственный аппарат управления как институт воспринимает и делает основанием собственной деятельности. Это – отражение социальной действительности, проявляющая себя как корпоративная картина общественной жизни. Это – показатель меры ответственности, которую государственные служащие намерены возложить на себя.

Очевидно, что современное пространство социальной жизни представляет собой сложнейший узел проблем, коллизий и противоречий. Здесь - все, начиная с качества уборки зимних тротуаров до уровня обеспеченности безопасности жизни в аэропортах и вокзалах, свидетельствует о способности государственных чиновников к служению. Любой россиянин оценивает результативность и эффективность деятельности органов государственной власти на основе собственного ощущения справедливости общественного устройства, уважительного отношения к себе как представителю определенной социальной страты, ценности и защищенности собственной жизни, условий для жизни и самореализации.

К сожалению, и в той, и в другой программе содержание проблемной ситуации сводится к двум моментам. Первый из них представляет собой перечисление перечня мероприятий, призванных подтвердить позитивный ход процесса реформирования. Второй - указание на ряд функциональных недостатков в системе государственной службы, в частности, на отсутствие увязки

оценки профессиональной деятельности государственных служащих с качеством услуг, оказываемых ими гражданам и организациям, на слабую проработку методики проведения конкурсов на замещение вакантных должностей гражданской службы, квалификационных экзаменов, аттестации государственных служащих и т.д.

Итак, становится очевидным, что осуществляемая в настоящее время административная реформа не ставит своей целью усиление причастности государственного аппарата управления к реальным социальным проблемам. Следовательно, можно полагать, что сложность, противоречивость и проблемность современной социальной жизни страны не объявляется пространством непосредственной ответственности государственного служащего. Государственный чиновник изымается из социальной реалии и погружается в реальность функционально-инструментальную, лишенную каких-либо нравственных представлений. Таким образом ценностно-смысловая установка на служение Родине подменяется установкой на служение Системе. Естественно, что в логике этой установки никакие усилия, сколь большими и разнообразными они ни были бы, не могут привести к позитивным изменениям в социальной действительности.

Не случайно стратегическим результатом реализации московской Городской целевой программы по административной реформе объявляется «обеспечение выполнения тридцати шести пунктов Плана мероприятий по проведению административной реформы в Российской Федерации».

Закрытость государственного аппарата управления от социальной жизни лишает общество возможности контролировать его деятельность, поскольку вне связи его с социальной действительностью невозможно определить критерии оценки этой деятельности.

С другой стороны, отлученный от социальной жизни чиновник, не может чувствовать боль, страдание, отчаяние, страх своих сограждан. Принимая функционально-инструментальную реалию за действительную реалию своей деятельности и даже жизни, он утрачивает нравственное зрение, а вместе с ним

и навык самоограничения. Поэтому можно предполагать, что заявленная антикоррупционная направленность данной реформы - не более, чем благие намерения.

Между тем функционально-инструментальная система управления, обуславливающая в качестве объектов управления основные производственные процессы, информационные процессы, процессы планирования, координации, контроля, процессы принятия решений и обеспечения ресурсами (материально-техническими, финансовыми, временными и др.), является лишь одной из составляющих организационного управления. Основная роль в организационном управлении принадлежит социокультурной составляющей.

Значение социокультурной составляющей состоит в обеспечении целевой общности как общности человеческой, т.е. в интеграции государственных служащих как участников совместной деятельности и адаптации их к социальной действительности. Социокультурная составляющая организации государственной гражданской службы предполагает следующие объекты внимания – миссию, цели, политику и стратегию совместной деятельности государственных служащих.

Миссия выступает как социальный смысл этой деятельности, как причина ее существования, заданная социумом. К сожалению, утверждающееся отношение к государственной службе исключительно как к сфере производства услуг делает проблематичным определение миссии государственной службы. Программа по осуществлению административной реформы сосредотачивается, в частности, на разработке и внедрении стандартов государственных услуг, подготовке нормативно-правовой и методической базы для их разработки и внедрения.

Очевидно, что эти мероприятия весьма полезны, но недостаточны. Несомненно, они будут способствовать повышению контроля, прежде всего со стороны самой Системы. Но, заметим, что они не содержат в себе социального мотива, который открывал бы перспективу самоконтроля и приподнимал бы каж-

дого отдельного государственного чиновника, как в его собственных глазах, так и в глазах общества до дела служения Родине. Если труд, которым занимается государственный служащий, как впрочем, и всякий человек, не обогащен социальным смыслом, значит, он базируется на эгоцентрическом начале, чуждом всякой социальной ответственности. В этом случае, как показывает отечественный опыт, основными инструментами социального управления становятся страх и выгода.

Между тем общество вправе рассчитывать на то, что государственный аппарат управления примет на себя ответственность за то, что не может быть достигнуто как каждым отдельным гражданином, так и в целом гражданским обществом. Это – общественная безопасность, социальный порядок, национально-государственный суверенитет, создание условий для очеловечивания личности, что предполагает не только удовлетворение витальных человеческих потребностей, но и возвращение ее нравственного и творческого потенциала. Эта миссия или определяющие ценности государственной службы должны буквально пронизывать все должностные обязанности государственных служащих, определять качество их труда и меру ответственности. В противном случае, президенту страны придется постоянно лично контролировать состояние вокзалов и аэропортов, жилищно-коммунального хозяйства и т.д. необъятной России.

Миссия государственной службы обуславливает цели, составляющие важнейший элемент организации совместной деятельности государственных чиновников, и имеющие многоуровневую структуру. В частности российский социолог А.И. Пригожин выделяет следующие цели: цели – задания, задаваемые извне, более широкой организационной системой; цели-ориентации – общие интересы и интенции работников, реализуемые через совместную деятельность; цели системы - равновесие, стабильность, целостность, необходимые

для функционирования организации и устанавливаемые управлением⁵⁶. Согласование всех компонентов целевой структуры – важнейшая задача управления, а их рассогласование – источник дисфункций и деформации организационных отношений.

Если с этой точки зрения взглянуть на анализируемые программы, то не сложно увидеть, что в них преобладают цели Системы. К примеру, московская городская целевая программа, открываясь обнадеживающей целью «повышение эффективности и результативности работы органов исполнительной власти города Москвы, качества государственного управления», сразу же фиксирует функционально-инструментальную составляющую достижения цели: «путем формирования городской нормативной правовой, методической и информационно-технической базы, позволяющей обеспечить единообразие и прозрачность работы».

Однако пренебрежительное отношение к целям – заданиям и целям – ориентациям имеет негативные последствия.

Цели-задания призваны открыть организационную систему для взаимодействия с внешней средой, в данном случае - социумом. Утрата этой взаимосвязи ведет к потере социальных смыслов в деятельности государственных служащих, с одной стороны, и отсутствию критериев оценки этой деятельности со стороны общества, с другой стороны.

Цели-ориентации заключают в себе богатую палитру мотивации к труду государственного служащего. Включение интересов отдельного человека в общее дело является основанием формирования его причастности к этому делу и вознаграждается синергетическим эффектом, при котором наблюдается прирост дополнительной энергии, превышающей сумму индивидуальных усилий. К примеру, когда пять исполнителей работают как десять, десять – как сто, сто – как тысяча и т.д.

⁵⁶ Пригожин А.И. Социология организаций. – М.: Наука, 1980. – С. 114.

Наряду с этим цели-ориентации выступают важным фактором гуманизации труда чиновника, создавая условия для реализации его интересов, способностей, потребностей, интенций. И напротив, их отсутствие в организации совместной деятельности оборачивается феноменом «роботизации» государственного служащего, характеризующимся ослаблением человеческого начала, предполагающего способность к самотрансценденции, а следовательно – к самоограничению и самоконтролю.

Следующим компонентом социокультурной составляющей организационной системы выступает политика, понимаемая как принципы (культурные нормы), на основе которых осуществляется совместная деятельность государственных служащих для достижения поставленных целей. Эти культурные нормы имеют конвенциональный характер, т.е. рожденные в процессе общественного договора, но не имеющие форму закона. Выражая в значительной степени культурную ментальность, они согласуются с отечественной культурой.

Фокусирование внимания на взаимосвязи принципов государственного управления с национальной культурой разрушает устоявшееся представление о формальной универсальности управления, его социокультурной нейтральности. Очевидно, что культура и этика государственного управления теснейшим образом связана с культурой общества, его традициями и ценностями, обычаями и верованиями.

Именно с опорой на духовную традицию отечественной культуры определяется отношение государственного служащего: к организации (преданность, благодарность, причастность); к работе (усердие, ответственность, исполнительность, бережливость, инициативность и т.д.); к руководству (уважение, учтивость и т.д.); к коллегам (сотрудничество, признание заслуг и т.д.); к гражданам (доброжелательность, качественное удовлетворение потребностей и др.).

В отличие от политики стратегия, как компонент социокультурной составляющей организации совместной деятельности государственных служащих, представляет собой эталонные нормы, которые, по мысли отечественного культуролога А.Я.Флиера, специально созданы или манифестируемы в качестве образца для подражания⁵⁷. Эталонные нормы определяют способы решения конкретных ситуаций (к примеру, способы принятия решений (единолично или коллегиально); способы презентации новых идей; способы преодоления конфликтных ситуаций и др.).

В целом культурные нормы (конвенциональные и эталонные) направлены на унификацию и стандартизацию поведения государственных служащих в процессе совместной деятельности, формирование социальной роли государственного служащего. Относительно государственной службы, как организационной системы, они реализуют те же функции, что и отечественная культура относительно общества, а именно – интегрируют государственную службу как целевую общность и адаптируют ее к социуму.

При этом культурно-нравственные нормы как фактор интеграции государственных служащих не могут быть устранены посредством утверждения в этом качестве нормативно-правовой базы, поскольку они выступают в качестве различных механизмов регуляции поведения. Если правовые нормы через наложение групповых, корпоративных, служебных или иных локальных обязанностей, вызывают человека, как справедливо полагают А.А.Гусейнов и Р.Г.Апресян, лишь к подотчетности, которая чаще всего не осознается как личный долг, поскольку в ней отсутствуют личностные смыслы. Эффективность их действия всегда сопряжена со средствами внешнего контроля. В то время, как культурно-нравственные нормы «обращаются к человеку от имени *всех людей*, а значит и от имени *его самого*. Они не угрожают никакими санкциями, они обращаются лишь через голос совести, предоставляя человеку возможность быть

⁵⁷Флиер А.Я. Культурология для культурологов. Учебное пособие. – М.: Согласие, 2010. - С.326-327.

свободным и от неприкаянности, отвечать хотя бы перед собой и хотя бы за себя»⁵⁸.

Очевидно, поэтому А. Этциони, современный американский политолог, высказал мысль о том, что общность представлений о добре и зле является более надежным клеем, скрепляющим общество, чем общность правил, установленных законом⁵⁹.

Однако воздействие культуры, т.е. ценностно-смысловых образований на поведение государственного служащего не безусловно. В качестве важнейшего условия выступает интериоризация им культурно-нравственных ценностей. Интериоризованные ценности, т.е. усвоенные и присвоенные, превращаются в личностные ценности, побуждающие «изнутри» к соответствующим поступкам и действиям. Интериоризация культурно-нравственных ценностей государственными служащими предполагает усиление социализирующей функции в управленческой деятельности на государственной службе за счет сокращения пространства использования административно-распорядительных методов, а также возвышение статуса культурно-нравственных регуляторов поведения в жизни общества.

Подводя итог, хотелось бы подчеркнуть, что посредством функционально-инструментальной подсистемы государственной службы, столь ярко обозначенной в анализируемых программах, можно объединить и упорядочить функции, обязанности, ресурсы, структуры. Однако объединение человеческих усилий может состояться только на основе социокультурной подсистемы, опережающее развитие которой послужит опорой для целенаправленного обновления государственной гражданской службы.

⁵⁸ Гусейнов А.А., Апресян Р.Г. Этика: Учебник. – М.: Гардарики, 1998. - С. 276.

⁵⁹ Этциони А. От империи к сообществу: новый подход к международным отношениям. - М.: Ладомир, 2004. – С.81.

Глава 7.

Корпоративная культура государственной гражданской службы города Москвы: состояние, проблемы, противоречия

Под корпоративной культурой государственной гражданской службы понимается система ценностей, норм и образцов поведения, признаваемых и разделяемых работниками государственного аппарата управления города Москвы.

Корпоративная культура отвечает потребности человека ориентироваться в определенной социальной среде. Опираясь на систему культурных ценностей и норм, он оценивает свое и чужое поведение, а также получает возможность понимать, чего следует опасаться, а к чему - стремиться, за что он будет вознагражден, а за что - порицаем и т.д.

Вне подобной культурной системы ориентирование индивида становится крайне затруднительным, а его поведение - противоречивым, непоследовательным и непредсказуемым.

Представление о корпоративной культуре организации методологически восходит к социокультурной парадигме социального управления, согласно которой орган государственной власти рассматривается не как сосредоточие определенных функций и полномочий, и не как система знаний и компетенций, и не как совокупность инструментально-технологических средств и финансовых ресурсов, но, прежде всего – как определенное социокультурное пространство, характеризующееся преобладанием тех или иных ценностей, норм и образцов поведения. В контексте этой логики каждый государственный чиновник выступает как носитель определенной культуры, которая проявляется в его ценностных ориентациях и моделях поведения.

Культура организации, подобно национальной культуре, выступает мощным регулятором социальных процессов. С одной стороны, культура направлена на адаптацию организации в системе более высокого порядка. Для аппарата

государственного управления мегаполисом - это московский социум. С другой стороны, корпоративная культура обеспечивает внутреннюю интеграцию персонала организации, стандартизируя и унифицируя поведение работников на основе общих ценностей и норм. Однако в зависимости от характера утверждаемых ценностей, норм и образцов поведения культура может играть не только положительную, но и отрицательную роль. В этом случае она провоцирует в отношениях недоверие, содействует разъединению людей, вместо воодушевления и побуждения работников к самоотверженному труду, она ведет их к унынию, безразличию и даже - отчаянию.

Это обстоятельство предполагает необходимость постоянного внимания к корпоративной культуре и периодического анализа ценностей, преобладающих в организации, в целях их коррекции и профилактики потенциально возможного отрицательного влияния корпоративной культуры.

Интерииоризованные, т.е. усвоенные и присвоенные культурные ценности становятся личностными ценностями, которые «выступают как внутренние носители социальной регуляции, укорененные в структуре личности»⁶⁰. С учетом подобной взаимосвязи культурных ценностей и поведения людей исследование корпоративной культуры государственной гражданской службы как важной системы регуляции сознания и поведения государственных чиновников представляет большой интерес. Актуальность этого исследования обусловлена также фактом «закрытости» корпоративной культуры государственной гражданской службы в целом и города Москвы в частности как объекта исследования. Об этом свидетельствует малочисленность и скудность публикаций по данному вопросу.

Целью настоящего исследования явилось выявление степени реализации основных функций корпоративной культуры государственной гражданской

⁶⁰ Леонтьев Д.А. Психология смысла.: природа, строение и динамика смысловой реальности. - М.: Смысл, 1999. – С. 231.

службы города Москвы – адаптивной и интегративной. Объектом изучения выступило отношение респондентов к образцам поведения, в которых выражаются адаптивная и интегративная функции корпоративной культуры государственной гражданской службы города.

Исследование проводилось на базе Института профессиональной переподготовки и повышения квалификации Московского городского университета управления Правительства Москвы. В исследовании приняли участие слушатели, проходившие повышение квалификации по программе «Культура и этика управления на государственной гражданской службе города Москвы» в 2009 – 2011 г.г. Всего – 477 человек. Должностной состав выборки – начальники управлений, заместители начальников управлений, начальники отделов, ведущие и главные специалисты, советники и консультанты департаментов, инспекций, префектур и управ города.

Процедурно исследование осуществлялось следующим образом. Респондентам предлагалась анкета с 6-ью вопросами и 33-мя формализованными ответами, которую они заполняли, сидя в учебной аудитории. Согласно инструкции, приложенной к анкете, на каждый из вопросов респонденты могли дать неограниченное количество ответов. Полученные результаты обрабатывались вручную, путем подсчета процентов ответов на каждый вопрос анкеты. За 100% принималась полная выборка – 477 респондентов.

Заметим, что проблема взаимосвязи ценностей и поведения людей при всей своей актуальности, чрезвычайно сложна для экспериментального изучения. Многие авторы отмечали серьезные расхождения между вербализованными ценностями, озвученными представлениями и наблюдаемым поведением⁶¹. Однако в проводимом нами исследовании изучалось не реальное, а скорее декларируемое поведение, согласуемое чаще всего с социальными установками,

⁶¹ Базовые ценности россиян: Социальные установки. Жизненные стратегии. Символы. Мифы/отв. ред. Рябов А.В Курбангалеева Е.Ш. - М.: Дом интеллектуальной книги, 2003. - С.182.

которые понимаются как предуготовленность человека действовать определенным образом в определенной социальной ситуации.

Вторая сложность, возникающая в подобных исследованиях, - это различное понимание респондентами смысла терминов, относительно которых требовалось выразить свое отношение в анкете. Мы нашли следующий выход из этой ситуации. Анкетирование слушателей всегда проводилось после занятий, в процессе которых рассматривалось общепринятое значение основных понятий. (К примеру, что такое конфликт в организации? Что такое факторы развития организации? и т.д.) Мы стремились таким образом минимизировать терминологический «разброс» при понимании объектов, отношение к которым стало предметом изучения.

В дальнейших исследованиях мы признаем необходимость использования психосемантических методов наряду с индивидуальным анализом на основе глубинных интервью, позволяющих каждому респонденту наиболее полно раскрыть свои представления о собственных выборах способов поведения.

В публикациях, посвященных тематике корпоративной культуры⁶² указывается, что адаптивная функция корпоративной культуры проявляется в общности понимания работниками миссии и целей организации. Миссия организации выступает как основной и сквозной смысл производственной деятельности, обуславливающий как повседневные цели и задачи работы, так и средства, используемые для их реализации. Интегративная же функция корпоративной культуры предполагает общность ценностей, определяющих отношение работников к собственной деятельности, к своей организации, к своим коллегам, а также отношение к конфликтам в организации и факторам ее развития. Эти идеи легли в основу методологии исследования и конструирования анкеты, предъявленной респондентам.

⁶² См.: Капитонов А.Э., Зинченко Г.П., Капитонов Э.А. Корпоративная культура: теория и практика. - М.: 2005; Кузнецов И.Н. Корпоративная культура. - М.: 2006; Спивак В.А. Корпоративная культура. Теория и практика. - М.: 2001.

В качестве эмпирического индикатора адаптивной функции корпоративной культуры мы использовали представление государственных московских чиновников о миссии государственной гражданской службы.

В качестве эмпирических индикаторов интегративной функции корпоративной культуры использовалось отношение государственных гражданских служащих к своей работе, к своей организации, к коллегам, к конфликтам в организации и факторам ее развития.

Указанные эмпирические индикаторы в анкете трансформировались в вопросы, на каждый из которых предлагалось несколько формализованных ответов, представляющих собой в сущности тот или иной образец поведения. Поэтому объектом исследования и явилось отношение государственных гражданских служащих города Москвы к образцам поведения, выражающим функции корпоративной культуры государственной гражданской службы.

Обращаясь к полученным результатам исследования, напомним, что индикатором адаптивной функции корпоративной культуры, отношение к которому было выявлено в процессе исследования, явилось представление о миссии государственной гражданской службы города.

Миссия в данном случае понимается нами как форма коллективной социальной ответственности, добровольно принимаемой государственными служащими, как высший сквозной смысл государственной службы, оформляющий разнообразные действия государственного аппарата управления в единую ценностно-смысловую целостность, и поэтому придающий всем этим действиям целесообразный характер.

Полученные результаты представлены в таблице №1 (отношение к миссии государственной гражданской службы).

Таблица 1.

Образцы поведения государственных чиновников, реализующие отношение к миссии государственной службы	Процент респондентов, выразивших согласие с указанным образцом поведения
<i>Создание условий для реализации потребностей населения города</i>	78 %
<i>Обеспечение функционирования органов государственного управления</i>	38 %
<i>Контроль выполнения законов</i>	31 %
<i>Выполнение поручений и указаний мэра</i>	25 %
<i>Реализация городских программ</i>	6 %
<i>Служение единой общепринятой цели</i>	5 %
<i>Защита интересов социально незащищенных слоев населения</i>	3 %

Как видим, значительное число респондентов (86%) справедливо стремится обрести смысл государственной службы за ее границами, обусловив его служением или потребностям населения, или единой общественной цели, или защитой интересов социально незащищенных слоев населения. Однако прочие ответы: обеспечение функционирования органов государственного управления; контроль выполнения законов; выполнение поручений и указаний мэра; реализация городских программ, составившие 100% респондентов по сути дела «размыли» эту социальную установку. Абсолютное большинство респондентов рассматривают отдельные реализуемые ими функции в виде высшего сквозного смысла своей деятельности. Иными словами, в сознании московских государственных гражданских служащих отсутствует четкое понимание социального назначения собственной деятельности.

Поскольку смысл и ценность для человека приобретает только труд как личностный вклад в жизнь общества, а не просто как повседневное занятие, постольку можно полагать, мы имеем дело с ценностно-смысловой дезориентацией московского государственного чиновника.

Последующие полученные нами результаты исследования имеют отношение к интегративной функции корпоративной культуры государственной гражданской службы города. Первым эмпирическим индикатором явилось отношение респондентов к собственной работе в государственном аппарате управления. Результаты представлены в таблице 2 (отношение к собственной работе).

Таблица 2.

Образцы отношения к собственной работе в государственном органе исполнительной власти	Процент респондентов, выразивших согласие с указанным образцом отношения
<i>Место самореализации и профессионального роста</i>	99 %
<i>Стабильность</i>	31 %
<i>Место с хорошей зарплатой и соответствующим социальным пакетом</i>	24,5 %
<i>Престижная работа, реализация статусных притязаний</i>	18 %
<i>Привычка</i>	3 %
<i>Отсутствие понимания общих целей и путей их достижения</i>	2 %
<i>Возможность приносить пользу людям</i>	1 %

Полученные результаты показывают, что основной мотив производственной деятельности государственного гражданского служащего обусловлен частным утилитарным интересом. Моральная компонента этого вида деятельности, выражающаяся в служении другим людям, обществу, своей стране и т.д. продемонстрирована только 1% респондентов. Соотнеся эти данные с результатами, представленными в таблице 1, свидетельствующими об отсутствии у государственных гражданских служащих понимания социального назначения собственной деятельности, можно предположить здесь причинно-следственную связь. Если индивид не обретает социального смысла своей деятельности и не открывает для себя ценности служения, то он обречен руководствоваться эгоцентрическими смыслами.

Известно, что в теории мотивации, в частности у А. Маслоу, потребность в профессиональном росте и, особенно – в самореализации отнесены к высшим социальным потребностям человека. Однако менее известно, что этот конструкт подвергся серьезной критике со стороны В. Франкла, который справедливо, на наш взгляд, полагал, что самореализация не может выступать в качестве цели, к которой человек должен стремиться. Она представляет собой скорее сопутствующее явление или эффект достижения цели. Человеческое бытие всегда ориентировано вовне на нечто, что не является им самим - на смысл, который необходимо осуществить, на дело, которому мы служим, на человека, к которому тянемся с любовью. Именно в служении делу, любви к другому человек реализует сам себя. «Таким образом – резюмирует В.Франкл, - человек может реализовать себя лишь в той мере, в какой забывает про себя»⁶³. Даже, если эту мысль посчитать слишком категоричной, тем не менее, на основе полученных результатов мы видим крайне индивидуализированное сознание государственных чиновников, которое направлено на личную выгоду, а не на общественное благо.

Отношение московских государственных гражданских служащих к своей организации раскрывается в следующей таблице 3 (отношение к своей организации).

Таблица 3.

Эмоции, переживаемые респондентами по поводу организации, в которой они работают	Процент респондентов, выразивших согласие с указанными эмоциями
<i>Причастность</i>	57 %
<i>Гордость</i>	52 %
<i>Неудовлетворенность</i>	22 %
<i>Безразличие</i>	9 %
<i>Отчаяние, безысходность</i>	3 %

⁶³ Франкл В. Человек в поисках смысла. - М.: Прогресс, 1990. – С. 30.

Как видим, для большинства респондентов государственная гражданская служба является источником позитивных переживаний - гордости и причастности (52% и 57% соответственно). Однако обращает на себя внимание высокий процент респондентов (34%), для которых организация, в которой они трудятся, стала основанием негативного опыта.

В сущности, как показывают результаты исследования, каждый третий московский государственный чиновник в той или иной степени (от безразличия до отчаяния) не удовлетворен тем, что происходит в его организации. Последующие результаты дают возможность предположить причины этой неудовлетворенности.

Следующая таблица 4 содержит результаты исследования отношения к своим коллегам.

Таблица 4.

Образцы поведения в коллективе	Процент респондентов, выразивших согласие с указанным образцом поведения
<i>Доброжелательность</i>	89 %
<i>Взаимопомощь</i>	69 %
<i>Конкуренция</i>	22 %
<i>Нечистоплотная конкуренция, «подстава»</i>	14 %
<i>Настороженность и недоверие</i>	9 %
<i>Равнодушие</i>	5 %

При сформированной установке на доброжелательность и взаимопомощь, которую демонстрируют по отношению друг к другу подавляющее большинство респондентов, можно предполагать, что существуют ситуации на государственной гражданской службе, в процессе преодоления которых, как считают респонденты, требуются иные защитные инструменты - недоверие, настороженность, равнодушие. Подобные ситуации, как правило, бывают

спровоцированы малой легитимной возможностью карьерного роста, что, вероятно, и выступает побуждающим фактором к нечестной конкуренции.

Важным интегративным компонентом корпоративной культуры является отношение государственных гражданских служащих к внутриорганизационным конфликтам, результаты исследования которого представлены в таблице 5 (отношение к внутриорганизационным конфликтам).

Таблица 5.

Ответы на вопрос «Что такое конфликт в вашей организации?»	Процент респондентов, выразивших согласие с указанным ответом
<i>Угроза стабильности</i>	58 %
<i>Основание для более тесного взаимодействия</i>	33 %
<i>Импульс для развития организации</i>	21 %
<i>Средство для выдавливания неугодных работников</i>	6 %

Больше половины респондентов (58%) не признают развивающего потенциала конфликта, усматривая в нем исключительно угрозу стабильности организации. Факт ценностного отношения к стабильности косвенным образом свидетельствует о низкой способности государственных чиновников к инновациям, которые в сущности своей – всегда нарушение привычного хода действий.

Однако каждый третий государственный служащий, видящий в конфликте импульс к взаимодействию, по сути дела, ценит его диагностическую функцию, очевидно, справедливо полагая, что причина конфликта связана с дефицитом взаимодействия и взаимопонимания. Одновременно каждый пятый государственный чиновник относится к конфликту как фактору развития организации.

Два последних обстоятельства демонстрируют наметившуюся тенденцию движения закрытого, авторитарного типа корпоративной культуры, тра-

диционной для государственной службы, в сторону более открытой и органичной корпоративной культуры.

Отношение к конфликту как способу выдавливания неугодных работников (6 %) показывает наличие напряженности на государственной гражданской службе города Москвы не только во взаимоотношениях с коллегами, на что указывалось ранее, но и в отношениях «руководитель – подчиненный».

Данные, приведенные в последней таблице, характеризуют отношение московских государственных чиновников к факторам развития столичной государственной гражданской службы.

Таблица 6.

Ответы на вопрос «Что такое факторы развития государственной гражданской службы Москвы?»	Процент респондентов, выразивших согласие с указанным ответом
<i>Общие цели</i>	70 %
<i>Сильное и профессиональное руководство</i>	50 %
<i>Всестороннее обсуждение проблем</i>	46 %
<i>Инновации</i>	1 %

Сильная власть как таковая более не воспринимается в качестве основного фактора развития государственной гражданской службы. Интересен факт, что сформулированная исследователями позиция «сильное руководство» была трансформирована респондентами. Из 477 анкетированных 470 внесли коррективы в анкету посредством дополнения словами «корректное», «справедливое», «грамотное», «культурное», «профессиональное», «умелое» руководство. Этот факт свидетельствует о том, что сформулированный пункт анкеты не является релевантным по отношению к представлению респондентов об особенностях власти, как факторе развития.

Не сильная власть, а просвещенная, т.е. культурная власть, имеет позитивную значимость для респондентов в контексте вопроса анкеты.

Иными словами, управленческая культура приобрела характер ценности. Этот факт обнаруживает дефицит культуры управления на государственной гражданской службе города Москвы, выражая ожидания московских чиновников относительно повышения ее уровня.

На основании полученных данных можно предположить, что «неумелое», «несправедливое», «неграмотное» и т.д. управление персоналом, вероятно, имеет место на государственной гражданской службе мегаполиса. Оно вместе с нечистоплотной конкуренцией, проистекающей, как правило, из ограниченной легитимной возможности карьерного роста, создает то внутриорганизационное напряжение, которое выражается в высоком уровне неудовлетворенности московских чиновников тем, что происходит в организациях, где они служат.

Фактор развития государственной гражданской службы для большинства респондентов (70%) видится в общих целях. Общие цели, вытекают из миссии. Понятые и усвоенные работниками они способны приобрести ценностный характер, превращаясь в мощный побудительный фактор. Цели, наряду с миссией и нормами поведения, представляют собой культурную составляющую организационного управления, позволяющую рассматривать государственную гражданскую службу не как совокупность полномочий и функций, но как общность людей, направляемых, регулируемых и воодушевляемых в своем движении общими целями.

Проблема видится в том, что становление и реформирование государственной гражданской службы современной России идет в контексте игнорирования ее культурной компоненты, фиксирующей человеко-центрированный подход к организационной системе⁶⁴. Следствием этого и являются факты, обнаруженные настоящим исследованием.

⁶⁴ См.: Джерелиевская И.К. Процесс становления и реформирования государственной гражданской службы: культурно-нравственный ракурс анализа // Управление мегаполисом, 2011. № 6.

Во-первых, это – отношение государственных гражданских служащих к своей работе как выполнению повседневных функций, но не как к личностному вкладу в общественное благо. Следует ли рассчитывать в этом случае на эффективность труда государственных чиновников, не осознающих своей социальной востребованности, не видящих социального пространства собственной самореализации.

Во-вторых, это – высокий уровень неудовлетворенности состоянием дел на государственной гражданской службе, обусловленный, в первую очередь, слабой управленческой культурой.

Приведенные факты характеризуют внутриорганизационную напряженность, которую московские государственные служащие надеются, как показывают результаты исследования, нейтрализовать при помощи роста управленческой культуры, формирования общих целей и расширения коммуникативного пространства принятия управленческих решений. Последнее положение представлено респондентами как образец поведения «всестороннее обсуждение проблем» (46%).

Между тем, как видим, инновации не рассматриваются в качестве фактора развития (1%). Почему? Можно было бы обойтись ответом, лежащим на поверхности: государственные чиновники больше ценят стабильность, чем изменения. Эта мысль была нами уже сформулирована. Но в данном случае ситуация видится более сложной. Напомним, речь идет о факторах развития организации. Иными словами, в данном случае государственные служащие мысленно обращены не к образу собственного поведения, а к образу организации, в которой они работают, т.е. идет процесс конструирования социально желательной, с их точки зрения, организации. Задача при этом состоит в том, чтобы определить средства, способные, с точки зрения респондентов, обеспечить движение к желательному образу организации. Так, в наборе именно этих средств нет места инновациям. Этот факт может свидетельствовать только об одном: идущая ныне административная реформа государственной гражданской

службы, олицетворяющая собой инновации, не отвечает чаяниям государственных гражданских служащих. Она не может, по их мнению, устранить причину неудовлетворенности состоянием дел на государственной гражданской службе.

Обобщая результаты исследования, отметим, что корпоративная культура государственной гражданской службы города Москвы не реализует в полной мере ни адаптивной, ни интегративной функции. Это свидетельствует о глубоком кризисе государственной гражданской службы как социального института, который призван определенным образом организовывать социальную деятельность и социальные отношения на основе соответствующих культурных стандартов поведения, обусловленных социальным смыслом существования самого института.

Потеря государственным чиновниками социального смысла своей деятельности, в сущности, означает утрату перспективы обретения духовного опыта служения, т.е. опыта деятельности, лишенной в своем основании мотива личной выгоды. В результате общество, справедливо полагая, что государственный чиновник должен реализовывать те или иные действия во имя общественного блага, ежедневно убеждается в обратном. Основным мотивом поведения работников государственного аппарата управления выступает личная выгода, обуславливающая, в частности, пресловутые коррупционные действия. Общественные ожидания оказываются постоянно фрустрированными. С этим и связывается то колоссальное недоверие, которое демонстрирует общество по отношению к институту государственной гражданской службы.

Самое удивительное, что показало данное исследование, состоит в том, что такое положение дел в определенной степени не устраивает и московских чиновников, большинство которых связывает перспективу развития государственной гражданской службы с наличием общих целей, т.е. иных целей, которые, очевидно, должны быть консолидированы с их целями и ценностями общегуманистического плана.

В сущности своей эти ожидания столичных государственных гражданских служащих обнаруживают факт неприятия собственной деятельности в качестве целесообразной, что есть показатель глубочайшего отчуждения.

Таким образом, становится очевидной парадоксальная ситуация: существующее состояние государственной гражданской службы не удовлетворяет ни общество, ни государственных гражданских служащих. Естественен вопрос, кому выгодно такое положение дел? Чьи и какие интересы реализует идущая ныне административная реформа? Однако, если постановка этих вопросов явилась своего рода итогом проведенного исследования, то ответы на поставленные вопросы находятся за его границами.

Между тем одним из проявлений современной административной реформы мегаполиса выступает внедряемый в настоящее время подход к процессу обучения государственных гражданских служащих Москвы, который, на наш взгляд, способствует углублению вскрытых в исследовании противоречий. Методологически он проявляется, в частности, в противопоставлении компетенций и мировоззрения, т.е. инструментально-технологического и аксиологического аспектов образовательного процесса. Речь идет о крайне узком подходе, целью которого становится исключительно тренинг функциональных знаний и навыков государственных гражданских служащих при полном безразличии к их ценностно-целевым установкам. В результате чиновник знает, что и как надо делать, но не понимает, как показывает исследование, зачем это делать, какой смысл следует придать делу. А дело, в котором не обретаются личностные смыслы, не может принять ценностный, т.е. побуждающий, мотивирующий характер. Поэтому, умело занимаясь государственным делом, чиновник думает при этом, прежде всего, о собственной выгоде.

Преодоление этого противоречия находится в логике древней истины: человек – не сосуд, который надо заполнить, а факел, который надо зажечь.

Глава 8.

Проблемы управления социокультурным развитием мегаполиса

Одной из важнейших проблем современной организации общественной жизни в целом и мегаполиса в частности является проблема углубления рассогласованности субъектно-культурного, ценностно-смыслового пласта человеческого мира, с одной стороны, и совокупности мер – политических и управленческих, направляемых на поддержание целостности, устойчивости и развития социума. По мере того, как сокращается субъектно-культурная сфера общества, возрастает значение объектно-системных начал в его организации. К сожалению, мы переживаем период, когда организация общественной жизни все более связывается с укреплением системы (политической, административной), рассматриваемой инструментально, с точки зрения распределения и перераспределения полномочий и функций.

В результате общество оказывается постоянно «не готовым» к тому, чтобы своевременно создавать механизмы и формы гуманистически ориентированного регулирования современных процессов и отношений: оно здесь постоянно «опаздывает». Вследствие этого, с одной стороны, накапливаются и углубляются социальные проблемы – все молодеющая наркотизация и алкоголизация населения, рост числа подростковых и юношеских суицидов, межэтническая напряженность, коррумпированность и низкая социальная ответственность государственных и муниципальных чиновников, ограниченные возможности творческой самореализации и предпринимательства, слабая защищенность человеческой жизни, частной собственности, личностного пространства и человеческого достоинства, низкий уровень доверия в социальных отношениях, высокая индивидуализация сознания людей, их слабая причастность к общему делу и общему благу, «ослабленное» чувство патриотизма осо-

бенно у молодых москвичей, значительная часть которых сориентирована на работу и проживание в странах Запада, «утечка мозгов» и «утечка капиталов» и т.д. С другой стороны, - это нарастающие деструкции в поведении людей: агрессия, хамство, грубость, жестокость, обман, отсутствие сострадательного и соучастливого отношения к слабым, больным и пожилым людям и т.д. Деструкции проявляются не только в поведении людей и в социальных процессах, но и в самих основаниях воспроизводства личностного бытия. Это выражается, прежде всего, в дефиците воспроизводимых социумом личностей, масштаб деятельности которых соответствовал бы сложности стоящих задач и был бы основан на приоритете высших ценностей, в первую очередь, ответственности и долга.

Кризис личности при одновременном технико-технологическом успехе, получивший по известному выражению современного американского политолога Ф. Фукуямы, название «великий разрыв», стал предметом поисков и осмысления зарубежными и отечественными исследователями условий конструирования нового социокультурного состояния. При многообразии существующих по этому поводу мнений можно выделить доминирующую линию – необходимость утверждения ценностно-смысловых ориентиров для раскрытия духовного потенциала личности в социуме.

Решение подобной задачи невозможно в контексте ныне доминирующих экономической и социально-экономической стратегий развития современной России и московского мегаполиса, как недостаточных для формирования глубинных мотивационных структур личности. Возникает необходимость разработки теоретико-методологической и методической основы политических и управленческих действий, опирающихся, в том числе и на развитие внутреннего ценностно-смыслового мира личности.

Между тем, аспект ценностно-содержательного воздействия личности на упорядоченность общественной жизни, а также аксиология личностного бытия в контексте связей в нем социального хаоса и социального порядка, остается в

современной науке недостаточно изученным. В основных направлениях философии XX века - философской антропологии, марксизме, экзистенциализме, фрейдизме, персонализме, постмодернизме - раскрыт ряд характеристик личностного бытия, таких, как переживание пограничных ситуаций, свобода, творчество, понимание, смыслообразование в их проекциях на проблему хаос/порядок в обществе. Однако в некоторых из них - личностно-ориентированных (Э.Мунье, Ж.-П. Сартр, М. Хайдеггер, К.Ясперс и др.) - человек мыслится вне социальных отношений, которые выступают здесь как внешние или принудительные, а активность личности и ее свобода направлены в большей мере на упорядочение внутренних смыслов и ценностей, на самопознание и самореализацию, чем на актуализацию конструктивных связей с обществом. В других – социально-ориентированных - социальные отношения подчиняют личность, как это происходит в марксизме, механически встраивая ее в социальное пространство.

Таким образом, в научной литературе преобладают исследования организации общественной жизни либо на основе ее механизмов, преимущественно, внеличного и внекультурного (информационного, системно-организационного, технического и т.п.) порождения, либо эта организация задается бессознательными проекциями, основания которых являются биологическими (парадигма фрейдизма), либо, напротив, личность «от себя», и «в себе» конституирует порядок своей жизни и смысла своего бытия. Отсутствуют современные концептуальные обоснования границ меры, нарушение которых ведет современный мир либо к крайнему нигилизму и хаосу, либо к безличностному социальному порядку.

Следовательно, актуализируется социальный заказ на формирование инновационных моделей организации общественной жизни, несущих в себе конструктивные связи общего и единичного, устойчивого и изменчивого, объективного и субъективного, институтов и ценностей, временного и вечного, рационального (знание) и иррационального (вера), а главное – аксиологических

оснований жизненного пространства человека, обеспечивающих развитие его потенциала в условиях стремительно меняющегося мира. Иными словами, общество выражает настоятельную потребность в формулировании такой концепции общественного порядка, которая на основе осознания целей, принципов, способов общественного развития позволила бы ему консолидироваться во имя собственного выздоровления и преодоления длительного системного кризиса.

Категория общественного (социального) порядка стала одной из первых теоретических «конструкций», рассматривающих общество как организацию совместной жизни людей на основе культурных норм. Культура выступает способом «определения» социальной реальности через ту форму организации общества, которая задает возможности и границы этого определения, причем и в содержании общественной жизни, но и в характеристиках самого человека как субъекта. Начиная с конца XIX века, в изучении общественного устройства все большее значение начинает придаваться сверхчувственному, трансцендентальному началу. Это характерно для воззрений Э.Дюркгейма, М. Вебера, Э.Гуссерля, М.Хайдеггера, А.Шюца и др. В это время утверждается представление о наличии ценностно-смыслового пласта человеческого бытия, признается существование более устойчивых и глубинных ориентаций человеческого поведения, чем человеческие интересы и потребности. Эти незыблемые и сокровенные ориентации в философии получают название «ценностей».

Постепенно в XX веке формируется социокультурный подход к организации общественной жизни, где ценностный компонент культуры начинает рассматриваться как основание общественного порядка. Именно он задает всю совокупность отношений человека как способ его бытия, он же обуславливает ценностное пространство устойчивости социума. На пороге XXI века становится очевидным, что внутренним «связующим» компонентом общественной системы выступает не только информация, как настойчиво утверждают авторы концепций современного информационного общества, но и те выс-

шие ценности, которые определяют целевую направленность общественной жизни в духовном, т.е. ценностно-смысловом аспекте.

Наиболее глубоко социокультурный подход разработан П.А. Сорокиным, утверждающим, что общественное устройство является не только социальным, но и культурным феноменом.

Согласно концепции П.А.Сорокина всякий социокультурный феномен представляет собой нерасторжимую связь трех компонентов: личности – общества – культуры. Ни один из элементов этой триады не может существовать в отдельности. Не может существовать личность как создатель, носитель и пользователь культуры без взаимодействующих общества и культуры. Не возникает общества без взаимодействующих индивидов и культуры. В конечном счете, и организационно-политические, социально-экономические и технико-технологические преобразования становятся культурными действиями людей. Можно сказать, культура оказывает радикальное воздействие на функционирование общества, охватывает всю его жизнь, так или иначе, оформляет всю полноту общественных отношений, проявляясь в наличии «политической культуры», «организационной культуры», «правовой культуры» и т.д. И нет живой культуры без взаимодействующих людей в обществе. Культура сохраняется и остается живой только в людях, определенным образом структурируя их сознание и управляя их поведением. Изменения в одном из элементов этой нерасторжимой триады в обязательном порядке приводят к изменению ее других элементов. «Поэтому ни одно из этих явлений нельзя исследовать должным образом без рассмотрения других членов триады. Неадекватна любая теория, которая концентрируется лишь на одном из них, исследуя социокультурный мир»⁶⁵.

В логике этих рассуждений мегаполис может быть рассмотрен как система взаимосвязей в триаде личность – культура – общество, которую мы сле-

⁶⁵ Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество.- М.: Политиздат, 1992. – С.219.

дом за М.С. Каганом называем «антропосоциокультурной системой», регулятивное воздействие на которую предполагает изменение культурных форм сознания и поведения москвичей, а также их взаимоотношений посредством актуализации соответствующего ценностно-смыслового компонента культуры. Важнейшее значение здесь приобретает понимание такого способа организации взаимосвязей в системе, который позволил бы сохранить меру человеческого в пространстве мегаполиса и тем самым способствовать развитию потенциала личности как главного фактора устойчивого развития самого мегаполиса.

Стремясь придать гуманистическую направленность развитию мегаполиса, мэр города Москвы С.С. Собянин обозначил в виде цели его развития «повышение качества жизни москвичей». Однако для того, чтобы это справедливое утверждение трансформировалось в ценностные ориентации, определяющие повседневное поведение государственных и муниципальных служащих города Москвы, необходимо, по крайней мере, четкое понимание того, о чем идет речь. Иными словами, требуется разъяснение смыслов, вкладываемых в понятие «качество жизни москвичей».

Обратимся к Постановлению Правительства Москвы от 4.03.2011 г. №56 -ПП «Об утверждении порядка разработки реализации и оценки эффективности государственных программ города Москвы». Поскольку в настоящий момент организация общественной жизни мегаполиса регламентируется государственными программами 2012 -2016 г.г., общее число которых приблизилось к двум десяткам, этот документ представляет большой интерес как некая методологическая основа государственных регулятивных действий. Согласно ему государственные программы направлены на решение двух задач – «на реализацию ключевых государственных функций» и на «достижение целей в сфере социально-экономического развития». Следовательно, если утвержденные Правительством Москвы государственные программы рассматривать (что вполне логично) как инструменты достижения заявленной мэром цели развития мегапо-

лиса, то можно сделать вывод, что качество жизни москвичей связывается с количеством и качеством государственных услуг и социально-экономическими условиями жизни. Как видим, за границами подобного представления остается духовная, экзистенциально-субъектная сторона человеческой жизни, сам человек как цель общественного развития. Хотя именно развитие духовного потенциала человека выступает основанием как качественной, ответственной работы, в том числе и на государственной службе, так и социально-экономических успехов.

Эта постоянно воспроизводимая ошибка в причинно-следственных связях, обусловленная эконоцентризмом общественной жизни, трансформируется в сознании рядового москвича в чувство собственной «периферийности» в этой системе, отвергаемости ею его человеческих интересов и потребностей. Возникает ситуация, подобная восточной пословице «Сколько ни кричи: «Халва, халва!», во рту слаще не станет».

Отсутствие стремления к ценностно-смысловому согласованию целей и инструментов, характерное для современных стратегий государственной политики и государственного управления, ведет к девальвации в общественном сознании высоких ценностей и идей, транслируемых властью, ростом недоверия к этой власти и расширением протестного электората. Следствием именно этого обстоятельства является требование честности в поведении власти, выдвинутое в московском мегаполисе, как основополагающей социальной ценности.

Возможно, социально-культурная сфера, генетически сориентированная на человека, способна смягчать подобные коллизии?

Социально-культурная сфера мегаполиса – это многоуровневая и много-секторная система организаций, институционализирующих совместную социальную и культурную деятельность. Функции управления сферой возложены на ряд отраслевых органов государственной власти, среди которых - департамент культуры, департамент семейной и молодёжной политики, департамент образования, департамент социальной защиты населения, департамент культурного

наследия, департамент межрегионального сотрудничества, национальной политики и связей с религиозными организациями, комитет по туризму и гостиничному хозяйству, комитет общественных связей города Москвы. Все они, являясь структурными подразделениями Правительства Москвы, тем не менее, обладают отличным друг от друга представлением о целях и задачах развития социально-культурной сферы мегаполиса и способах управленческого воздействия. Отсутствие единой теоретико-методологической основы оборачивается несогласованностью действий органов как государственной, так и государственной и муниципальной власти, неэффективной тратой ресурсов и неспособностью решать многие конкретные социокультурные проблемы мегаполиса.

В качестве основного документа, определяющего социокультурное развитие мегаполиса, рассматривается государственная программа «Культура Москвы 2012 – 2016 г.г.». Однако анализ этого программного документа обнаружил ряд серьезных недостатков, к числу которых следует отнести: во-первых, воспроизводство пресловутого «отраслевого подхода», не обеспечивающего движение направляемых средств на решение конкретных социально-культурных проблем мегаполиса, в том числе, повышение качества жизни москвичей; во-вторых, отсутствие ориентаций на качественные показатели оценки деятельности учреждений социально-культурной сферы, обуславливающее низкую эффективность использования направляемых средств; в-третьих, отсутствие теоретико-методологической основы формирования мотивационной базы инновационного развития социально-культурной сферы; в-четвертых, отсутствие методологической основы формирования межведомственных и территориально-ведомственных инновационных подходов, связей и механизмов, обусловленных необходимостью решения конкретных социокультурных проблем мегаполиса. Иными словами, отсутствует ориентация на оптимизацию системы управления социально-культурной сферой. В пятых, - отсутствие механизмов формирования конкурентной среды для участия в программе, невнят-

ность мер по управлению рисками, изолированность экспертного сообщества от контроля распределения направляемых средств, создающих основу для широкого использования коррупционных схем. В целом складывается впечатление, что настоящий документ нацелен скорее на совершенствование инфраструктуры культуры, чем на расширение культурных пространств самореализации москвичей и освоение ими новых культурных форм своей активности.

К сожалению, следует резюмировать, что управление социально-культурной сферой проявляет следы той же болезни, что и в целом управление мегаполисом, а именно – следы примитивного представления о человеке, как существе «одномерном» (Г. Маркузе), сугубо биологическом, жаждущем лишь материального благополучия и психофизиологического комфорта. Однако человек протестует не только против тяжелых экономических условий, блокирующих удовлетворение его физиологических потребностей. Он столь же страстно восстает, когда остаются неудовлетворенными его духовные потребности – в смысле жизни, в творчестве, в чувстве идентичности, в справедливости, в трансценденции, в вере, надежде, любви, поскольку мера жизни определяется ее человеческой, т.е. социально-субъектной и нравственной формой. Поэтому миссия государственного управления видится в усилиях, направляемых на помощь индивиду стать, быть и оставаться Человеком, независимо от социально-экономической и социально-политической ситуации.

Известный психолог и философ Э.Фромм в своих многочисленных работах утверждает мысль о том, что ориентация исключительно на материальные потребности человека и невнимание к его духовным устремлениям в процессе организации общественной жизни калечит психическое здоровье человека. «Здоров индивид или нет – это в первую очередь зависит не от самого индивида, а от структуры данного общества, - пишет ученый. - Здоровое общество развивает способность человека любить людей, стимулирует созидательный труд, развитие разума, объективность, обретение чувства собственного «Я», основанного на ощущении своих творческих сил. Нездоровое общество порожд-

дает взаимную вражду, недоверие, превращает человека в объект манипуляций и эксплуатации, лишает его чувства «Я», сохраняющегося лишь в той мере, в какой человек подчиняется другим или становится автоматом»⁶⁶. Для российского социума пренебрежительное отношение к духовным основам жизни подобно цивилизационной катастрофе. Дело в том, что, если Западная цивилизация изначально складывалась как правовое государство, т.е. на основе актуализации intersубъективного (социального) уровня культуры, то русская ментальность традиционно была направлена к трансцендентной, т.е. духовной культуре. Нравственные нормы имели приоритетное значение в системе социального регулирования и в досоветский, и в советский периоды. Русский человек на всех этапах своей истории испытывает на надбиологический способ существования. Духовная культура в основании российского общественного устройства не только успешно обеспечивала единение народов разных национальностей и конфессий, т.е. универсализировала этнокультуры, но и удерживала связь социума с вечностью, поддерживая способность личности к трансценденции, т.е. ее субъектность. Духовность как внутренний ценностно-смысловой контекст социума и культуры выявляет их человеческую направленность и основу. Она обеспечивает феномен понимания и общения в пространстве свободы и субъективно задаваемых целей, выступает важной стороной социального и индивидуального опыта, в котором ценностные, нравственные, символические и другие культурные стороны общественной жизни совмещаются с ее системно-организационными и инструментально-технологическими условиями и факторами.

Разрушение духовной традиции русской культуры, сопутствующее современной общественной трансформации, чрезмерное расширение слоя социальной культуры (правовые и этикетные нормы, кодексы профессиональной этики и корпоративной культуры, узкие профессиональные знания, навыки,

⁶⁶ Фромм Э. Здоровое общество // Психоанализ и культура: Избранные труды Карен Хорни и Эриха Фромма. М.: Юрист, 1995. – С. 333.

умения, компетенции и т.д.), а также приоритет объектно-системного над субъектно-экзистенциальным началом в организации общественной жизни оборачиваются истощением и оскудением внутреннего ценностно-смыслового мира человека и ростом его неустойчивости. Человек делается недостаточно подготовленным к осуществлению свободы выбора, использует деструктивные схемы самоопределения или «сбрасывает» протестное напряжение посредством участия порой в абсолютно безответственных массовых акциях.

Очевидно, что рост правосознания личности не решает полностью этой проблемы. В обществе формируется социальный заказ на развитие и обогащение внутреннего ценностно-смыслового мира человека, конституирующего его высокую социальную мотивацию и социальную ответственность. Откликом на этот заказ и должны стать реформы в социально-культурной сфере, в первую очередь, в образовании.

Анализ современных тенденций в общественной жизни показывает, что правовое государство не является финалом российской истории. Последние общественные выступления выявили духовно-нравственный вектор освоения и оценки общественной жизни мегаполиса и России в целом. Одновременно они обнаружили неспособность существующей организации общественной жизни реализовать проявленные ценностные ориентации. Осуществляемая политическая реформа имеет отношение к системно-организационной стороне общественной жизни, а общественность выступает за изменения в культурно-нравственных основаниях жизни. Выражаясь языком М. Хайдеггера, власти проявляют готовность внести изменения в «онтический» срез, а общественность настаивает на изменениях в «онтологическом» срезе реальности, т.е. в самом человеческом бытии.

Адекватным ответом на общественные ожидания могло бы стать возвышение статуса культурно-нравственных норм общежития, причем не на уровне деклараций, а на уровне социальной практики. Это значит, что любые организационно-системные решения, будь то политические, административные, эко-

номические не должны выходить за границы нравственности, т.е. справедливости, поскольку то, что противоречит справедливости, не является объективно правильным. Никакие политические или экономические реформы не могут быть оправданы в своей безнравственности пресловутыми «собственными закономерностями», т.е. поставлены над культурой, так как и политика, и экономика – продукт человеческой культуры, а реформы – лишь проявление ценностных ориентаций реформаторов, т.е. опять же культуры. Как замечает А.Г. Рих, основатель института социальной этики при Цюрихском университете, «целью экономики не может быть сама экономика, она не должна служить самой себе, раскрытию своих собственных возможностей...Любой подход к экономике как самоцели, когда в конечном счете не играет роли, содействует ли она благу людей или наносит им ущерб, стремясь к безудержному росту, и рассматривая человека лишь как средство достижения этой псевдоцели, свидетельствует о полной абсурдности всей системы, а также о том, что она противоречит принципу служения жизни»⁶⁷.

Незыблемый постулат, составляющий основу современной отечественной государственной политики, согласно которому культура рассматривается как сегмент экономики, удивил даже экспертов Совета Европы, изучавших культурную политику России. «Быстрые и фундаментальные трансформации культурной жизни – замечают они, - происходят так, как будто точка зрения самой культуры не имеет здесь особого значения. Те органы, которые связаны с индустрией культуры в области налоговой политики, свободного распространения товаров, конкуренции, приватизации предприятий, по природе своей рассматривают эти проблемы не с позиций культуры, а с точки зрения финансов, коммерции и промышленности и т.д.»⁶⁸

⁶⁷ Рих А.Г. Хозяйственная этика. М., 1996. – С. 413.

⁶⁸ Доклад зарубежных экспертов о культурной политике России // Культурная политика России. История и современность. Два взгляда на одну проблему. Под ред. И.А. Бутенко, К.Э. Разлогов. - М., 1998. – С. 190.

Очевидно, что отношение к культуре как сегменту экономики устраняет как таковую проблему социокультурного развития, т.е. проблему развития и личности, и общества. Следовательно, сложившаяся на данный момент организация общественной жизни не способна влиять ни на тип воспроизводимой личности и личностное здоровье, ни на характер общественных отношений. Поэтому несмотря на правильные декларации политического руководства социокультурная ситуация к лучшему не меняется и измениться не может. Более того, без изменения ценностных ориентаций и пробуждения глубинной мотивации людей, т.е. без мобилизации их духовной энергии невозможны радикальные изменения и в сфере экономики.

Итак, поскольку личность – культура – общество являются компонентами единой антропосоциокультурной системы, снижение статуса культуры ведет, как видим, к деструкции в общественных отношениях, к снижению статуса личности, утрачивающей свою субъектность.

Между тем потенциал самоорганизации, имманентно присущий антропосоциокультурной системе, заключен в свободе человека, в его способности и потребности, в отличие от животных, к самоопределению, т.е. к непрерывному изменению своей программы поведения в поисках его соответствия постоянно изменяющимся условиям окружающего мира. При этом окружающий человека мир выступает источником флуктуаций и носителем различных форм будущей организации антропосоциокультурной системы. Флуктуации провоцируют процесс самоорганизации системы, т.е. инициируют человека к изменению программы своих действий и поведения, определяя тем самым результат самоорганизации – изменение системы в целом.

С учетом того, что человек в процессе самоопределения может быть направлен как на жизнеутверждение, так и на жизнеотрицание⁶⁹, внутренний потенциал развития антропосоциокультурной системы содержит в себе два

⁶⁹См.: Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности. М.: Изд-во АСТ: Астрель, 2012. – 635 с.

противоположных начала – порядок (созидающий и поддерживающий структуру системы) и хаос (разрушающий структуру системы).

Каким же видится целенаправленное воздействие на процесс социокультурного развития? На наш взгляд, оно предполагает воздействие на ценностно-смысловой компонент культуры, инициирующий человека к изменению своего поведения к полюсу жизнеутверждения. Иными словами, основным объектом государственной социокультурной политики становится ценностный контекст общественной жизни. Государство во всех сферах общественной жизни защищает и поддерживает посредством всех имеющихся ресурсов ценности единства, ответственности, творчества, доброжелательности, патриотизма, уважения к человеческому достоинству и т.д. Словом, - те ценности, которые обеспечивают человеческое общежитие именно в виде человеческого, т.е. ценности, обладающие нравственным содержанием. Нельзя не учитывать, что обратной стороной многообразия и плюралистичности социокультурной реальности является единство, предполагающее универсальное нравственно-ценностное начало.

Представляется, что мы находимся перед настоятельной необходимостью формирования «справедливого общества» (А.Этциони), в котором социальная жизнь организуется не только в соответствии с материальными потребностями индивида, но и с его духовными устремлениями. Вследствие этого раскрывается перспектива самоопределения человека на основе жизнеутверждения, а следовательно возрастает вероятность устойчивого развития социума.

Справедливое общество характеризуется восстановлением нравственного стержня общественной жизни, тщательно выверенным соотношением свободы личности и общественного порядка, что делает социум более сбалансированным, чем в либеральном или авторитарном вариантах.

Движение в этом направлении востребует концептуализацию социокультурного развития мегаполиса, а также формирование ряда практически значи-

мых категорий, таких как кризис социокультурного развития и его индикаторы, факторы и условия преодоления кризиса социокультурного развития мегаполиса и схемы антикризисного управления. Не менее важным представляется и исследование деструктивных тенденций в социокультурном развитии мегаполиса, их проявление на уровне политических и управленческих действий, в системе социальных отношений. Очевидно, востребуются и обоснование ценностей де-либеративной (ориентированной на общее благо) и консенсусной (предполагающей возможность свободного обсуждения проблем) инновационных моделей социального регулирования, используемых на основе управленческого (политического) действия, ограниченного нравственными принципами, как необходимого условия динамической устойчивости в социокультурном развитии мегаполиса.

Глава 9.

Культура и право – антагонисты?

В последнее время появились публикации, которые фиксируют внимание на репрессивной, деструктивной роли культуры в процессе формирования и поддержания общественного порядка. Наиболее настойчиво с подобной позицией выступает известный отечественный культуролог А.Я. Флиер, который полагает, что культура постоянно приносит человека в жертву обществу, постулирует ограничения индивидуальных потребностей на благо коллективных. «Культура – пишет А.Я Флиер, - это набор условностей, соблюдая которые человек демонстрирует свою социальную лояльность. Быть культурным – значит быть лояльным к общественному мнению, подчинять себя его установкам, не задумываясь по поводу их целесообразности... Культура – это наш «внутренний милиционер», следящий за социальной упорядоченностью нашего по-

ведения»..⁷⁰ А.А.Пелипенко, продолжает концептуально-логическую нить рассуждений о культуре, предложенную А.Я.Флиером, Остановиваясь на тезисе о противоречии интересов человека и общественного порядка, он полагает, что на стороне этого порядка выступает культура, «оказывающая на человека свое репрессивное и манипулирующее воздействие».⁷¹

Следует согласиться, что претензии к культуре этих авторов небезосновательны, поскольку в центр их рассуждений поставлена проблема утраты культурой способности к воспроизводству специфики и субъектности личности.

Остановимся на природе этого феномена и обратимся к генезису культуры, который имеет несколько источников: во-первых, - антропный (личностный уровень культуры), во-вторых, - социальный (интерсубъективный и конвенциальный уровень культуры), и, в-третьих, - трансцендентный уровень культуры (Бог, мир вечных, непреходящих ценностей и т.д.). Другими словами, культура «одновременно «живет» в каждом человеке, пролегает между людьми и непостижима в своей вечности, уходя в глубины космоса».⁷²

Понимаемая таким образом культура всегда больше того, что вытекает из конвенции людей. В таком виде культура «неравномаштабна» обществу, она больше его. Действительно, культура способна накладывать ограничения на поведение людей, выступая как социальная регулятивная система. Но в то же время она поддерживает способность и потребность человека к самотрансценденции, предоставляя ему возможность постижения смыслов своего бытия, т.е. обретения субъектности. В этом случае и человек становится «неравномаштабным» обществу, а именно – больше общества.

⁷⁰ Флиер А.Я. Неизбежна ли культура? (О границах социальной полезности культуры); // Личность. Культура. Общество. 2009. Т.ХI. Вып. 1., №№ 46–47. – С. 93.

⁷¹ Пелипенко А.А. Культура как неизбежность (о субъектном статусе культуры) // Личность. Культура. Общество. 2009. Т.ХI. Вып. 1., №№ 46 – 47. – С.100-101.

⁷² Резник Ю.М. За пределами культуры и социальности: проблема трансперсональности // Личность. Культура. Общество. 2009. Т.ХI Вып.1. №№ 46-47. – С. 110.

Иными словами, соприкосновение человека с трансцендентным уровнем культуры делает его способным выходить за границы социального и приподниматься над собственным психофизиологическим миром, устремляясь к вечным, непреходящим ценностям. Культура оказывается таким образом, «встроенной» в форму общественной организации, поскольку иначе человек как социальный субъект (коллективный или индивидуальный) не смог бы возвыситься над существующим содержанием, преодолеть его, заново организовать и сконструировать в соответствии со своими собственными характеристиками. Культура – это способ переработки общества, необходимый для выявления и закрепления в общественных отношениях параметров развития человека, сохранения его способности оставаться человеком в изменяющихся исторически условиях и обстоятельствах. Поэтому культура – это также и способ «снятия», преодоления прежнего социального порядка, выход за пределы обыденного и культурно узаконенного поведения.

Можно сказать, что культура оказывается на стороне человека только тогда, когда она соединяет его с вечностью, т.е. обладает трансцендентным уровнем. Вечность выступает как атрибут свободы. «Там, где нет вечности, нет и свободы, ибо свобода всегда знаменовала собою победу (пусть только духовную) человека над временностью, конечностью своего бытия»⁷³.

Проблема видится в том, что взятый политическим руководством страны курс на построение правового государства, актуализирует исключительно социальный (конвенциональный) уровень культуры, пренебрегая ее трансцендентным аспектом. Как следствие этого личность утрачивает субъектность, становясь объектом воздействия общества посредством различных социальных инструментов – социальных норм, знаний, умений, компетенций, статусных и ролевых требований, этикетных норм, моды и корпоративной культуры. Перво-

⁷³ Межуев В.М. Время труда и время свободы. // Личность. Культура. Общество. 2008. Т.Х. Вып. 2 (41). – С.81

степенную роль в регулировании сознания и поведения человека начинают играть правовые нормы, выступающие фактором социального принуждения.

Итак, монополия права, правовой культуры и правосознания как объектно-системного начала в организации общественной жизни свидетельствует, к сожалению, об оскудении культуры, о попрании ее полноты и глубины.

В результате общественная жизнь перестает быть пространством реализации высоких человеческих устремлений. Мы являемся свидетелями процессов, которые принято называть «разрушением духовных устоев» человеческого бытия. Эти процессы в равной степени деструктивны для общества, культуры и для человека.

Общество, в организации которого приоритет отдается объектно-системным, а не субъектно-культурным началам, теряет уровень доверия (Ф.Фукуяма) в социальных отношениях или социальный капитал (П.Бурдье), что делает, в частности, экономику такого общества неконкурентноспособной, а жизнь общества – неустойчивой.

Оскудевшая культура, утратившая полноту (а точнее – глубину) своего пространства, не может в полной мере реализовывать свои основные функции - интеграции и адаптации общества. Для такого общества обостряется проблема национальной и личной идентичности.

Личность, отлученная от высоких и вечных ценностей, т.е. пространства постижения жизненных смыслов, страдает «неврозом смыслоутраты» (В. Франкл). Для того, чтобы человек придал смысл своему социальному бытию, он должен выйти за границы этого бытия. По образному выражению Э.Фромма, современный человек знает, *что* надо делать, но ему трудно ответить на вопрос, *зачем* это надо делать. А если человек не обретает личностных смыслов в своих занятиях, своей работе, в конце концов, - в своей жизни, он становится неустойчив. Такой человек подобен шоферу, севшему за руль с неисправными тормозами, от него можно ожидать чего угодно.

Наконец, конструкт монополии правового регулирования социальной жизни входит в острое противоречие с культурно-цивилизационным кодом развития России. Западное общество, заимствовав у Рима идею правового государства, изначально ориентировалось на интерессубъективный, конвенциональный уровень культуры. Поэтому, как полагает З. Бауман, путь к вечности для современного западного человека полностью перекрыт и ему только остается сосредоточиться на своей земной жизни, на своем телесном существовании, найти в нем смысл и ценность».⁷⁴

Россия, восприняв от Византии идею культурно-нравственного поиска, традиционно сохраняла в основаниях организации своей общественной жизни духовную культуру, ее трансцендентный уровень. Как заметил Н.А.Бердяев, внутренняя жизнь Бога осуществляется через человека в мир.⁷⁵ Иными словами, через взаимосвязь с трансцендентным пространством личность не только сохраняет и развивает свою внутреннюю структуру, но и одухотворяет общественную жизнь.

Еще в XI веке митрополит Илларион в написанном им «Слове о Законе и Благодати» определял место Закона как предуготовление пришествия Благодати. А сформулированная им «русская идея» выражалась через предназначение русского народа охранять связь с трансцендентным началом. В этом он полагал миссию Руси в мировой истории.

Если учесть, что, по мысли Ш. Эйзенштадта, множественные современности укоренены в ранних паттернах, которые кристаллизуются вокруг религии⁷⁶, нам нельзя пренебрегать этими установлениями. Чтобы быть современной, Россия обречена, двигаясь вперед, углубляться к самой себе.

⁷⁴ Бауман З. Индивидуализированное общество. – М: Логос, 2002 . - С.301

⁷⁵ См. Кларин В.М., Петров В.М. Русская религиозная философия воспитания XIX – XX вв. М.: МП «Кодекс», 1994. -С.38

⁷⁶ См.: Эйзенштадт Ш. Новые религиозные констелляции в структурах современной глобализации и цивилизационная трансформация.// Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2012. №1 (30).

Глава 10.

Концепция социокультурного воспроизводства России

Настоящий конфликт российского общества и власти усугубляется отсутствием публично осмысленного образа будущего общества, которое призвано сменить вчерашнее советское общество. Вне образа целого нельзя судить о целесообразности отдельных фрагментов. Как можно оценить современную реформу всей системы образования как важнейшего канала социокультурного воспроизводства, если мы еще не договорились, какое общество мы конструируем? В этом случае, члены общества не только не обладают критериями оценки реформаторской деятельности государства, но и остаются отчужденными от этой деятельности, не находя в ней пространства собственной творческой самореализации. Однако рядовому гражданину трудно поверить, что многоаспектная реформаторская деятельность не подчинена единой цели, легче предположить, что она есть - «уже договорились», но ее скрывают от общества. А почему скрывают? Да потому что она направлена на реализацию исключительно частных или корпоративных, но не общественных интересов. Масштаб коррупции, охватившей государственную власть, без труда направляет именно этот ход мыслей, наполняя социальное пространство недоверием и напряжением.

Наиболее действенным средством преодоления этой ситуации может стать формирование и последующее широкое обсуждение концепции социокультурного воспроизводства России, определяющей единый вектор развития важнейших сфер общества – политики, культуры, науки, образования.

Социокультурное воспроизводство – это «процесс исторического воспроизводства общества как социальной целостности со свойственной ему организационной структурой и культурной спецификой, осуществляемый посредством накопления и межпоколенной трансляции социокультурного опыта дан-

ного народа»⁷⁷ Важнейшая роль в социокультурном воспроизводстве принадлежит ядру культуры как системе сохранения базовых ценностей, как духовному центру культурного пространства, выражающему культурную ментальность народа и определяющему все когнитивные и нормативные структуры общественного бытия. Ядро культуры содержит в себе религиозные идейные установки, теоретический опыт – результаты философской рефлексии и дотеоретический, как правило, неинституциональный опыт: традиции, обычаи, нравы. Таким образом, процесс социокультурного воспроизводства предполагает обусловленность всей нормотворческой и реформаторской деятельности в обществе базовыми ценностями отечественной культуры.

В ядре отечественной культуры приоритетное место исторически занимали нравственные ценности, утверждавшие понимание жизни как служение сверхличной цели. Русский человек был всегда искушаем на «сверхбиологическое отношение к жизни» и «возделывание в себе некоего «надорганизменного содержания»⁷⁸. Иными словами, в России всегда существовало своеобразное, отличное от Запада ценностно-смысловое основание бытия, сформировавшегося под влиянием удивительным образом переплетенных религиозного и идеологического мифов. Ядро культуры поддерживает идентичность нации и определяет ее неповторимую, одну из множественных версий, современность, с которой соотносятся все социокультурные каналы межпоколенной коммуникации – семейное воспитание, образование, социально-культурная деятельность, художественная культура и искусство, средства массовой коммуникации.

Между тем, в 90-ые годы прошлого века ядро отечественной культуры подверглось открытой агрессии со стороны реформаторов. Духовная культурная традиция рассматривалась российскими либералами как препятствие на пути осуществляемых реформ, обосновывалась необходимость проникновения «в ядро культуры и трансформирования в нем механизмов исторической наслед-

⁷⁷ Флиер А.. Культурология для культурологов. – М: Согласие, 2010. – С. 292-296

⁷⁸ Лобок А.М. Антропология мифа. – Екатеринбург: Отд.образов. администр. Октябрьского района, 1997. – С.38.

ственности».⁷⁹ Сейчас мало кто осмелится открыто настаивать на американизации или вестернизации российского сознания, но агрессия на духовный центр культуры не стала менее интенсивной, но более латентной. Среди отечественных социальных философов и культурологов чуть ли не модным стал тренд о полицентричности социального и культурного пространства как великого достижения в деле демократизации общественной жизни.

Мы действительно менее, чем за два десятилетия «пробежали» путь от советской культуры с четко проявленным ядром-идеологией и неразвитой периферией (субкультурами) к культуре с высокой плюралистичностью и ослабленным ядром. Во втором случае культура не становится более богатой, но – более уплощенной, теряющей глубину, поскольку вариативность как социокультурная ценность обретает смысл только в контексте единства. Разрушающееся ядро культуры таит в себе опасность умирания культуры и гибели нации.

Можно сказать, скорость нашей общественной трансформации была избыточна, так как в теперешнем состоянии культура плохо справляется с задачей социокультурного воспроизводства. Крайне ослабленное ядро не способно более в полной мере духовно окормлять периферию культуры, т.е. универсализировать ценности субкультур, в том числе и этнокультур. Не связанные с духовным центром, автономные в своем функционировании, они вступают в жесткую конкуренцию друг с другом (плюралистический антагонизм), стремясь занять место центра. Мы наблюдаем это в фокусе растущего межэтнического напряжения, маргинализации культуры, роста агрессии и прочих девиаций в человеческом поведении.

В этом случае заботой государства становится не расширение периферии, а воссоздание ядра культуры и особенно укрепление в нем места нравственных ценностей как пространства универсальных ценностей - надполитических, надэкономических, надсоциальных. Это значит, что все социальные проекты, эко-

⁷⁹ Ракитов А.И. Цивилизация, культура, технология, рынок. // Вопросы философии. 1992. №5, - С. 9.

номические реформы и политические решения принимаются и реализуются в границах нравственности, утверждающей самоценность человеческой жизни и человеческого общежития. Собственно говоря, нравственность и есть критерий человечности. Можно надеяться, что сбалансировав функционально ядро и периферию, воссоздав таким образом целостность культурного пространства, мы продвинемся в решении актуальных вопросов: снижения напряжения в межэтнических отношениях и сопряжения секулярного и религиозного мировоззрений в общественном устройстве. Это, в свою очередь, повысит уровень доверия в социальных отношениях, т.е. социальный капитал нации, что сделает ее конкурентоспособной и откроет перспективу формирования российского суперэтноса.

Воссоздание культурно-нравственных оснований социального бытия обусловит человекообразующий характер всех каналов трансляции социокультурного опыта. Заметим, что предпринимаемые в настоящее время реформы этих каналов, в первую очередь, образования, вызывают широкое общественное недовольство, поскольку они агрессивны именно к базовым культурным ценностям.

Между тем, укрепление этих ценностей способно сделать более действенным и социальное управление, которое в настоящее время во многом основано на манипуляции общественным сознанием и эксплуатации чувств страха и выгоды в качестве основной мотивации. Ни одна из задач, стоящих перед современной Россией – модернизация экономики, рост производительности труда, расширение пространства инноваций и т.д. не может быть решена без высокой причастности к этим задачам всего российского общества, без восприятия этих задач каждым как своих собственных. Но «высечь» духовную энергию народа, дотянувшись до духовного потенциала каждого, продемонстрировать смыслы его нужности и востребованности, вознеся к высокому идеалу служения, политическая элита сможет только, подчинив свою деятельность и даже жизнь нравственным ценностям, поступая по законам совести и справед-

ливости, тем самым доказывая ежечасно свою преданность высокому идеалу служения общему благу. Вне этого контекста все меры, направленные на преодоление коррупции, не повысят уровень доверия общества к власти, ибо будут восприниматься исключительно как имитация.

Духовно-нравственный центр культурного пространства в целом позитивно влияет на институциональный процесс как важный компонент социокультурного воспроизводства. Институты в качестве исторических и объективных фактов оказываются для индивида внешними, сохраняющими свою реальность независимо от того, нравится она ему или нет. Они имеют над ним принудительную власть и сами по себе, и благодаря механизмам санкций. В ходе социализации институту требуются различные способы его объяснения и оправдания, т.е. легитимации. «Границы такой предельной легитимации сопряжены с границами теоретического честолюбия и изобретательности тех, кто занят легитимацией и кому официально предписано давать определения реальности». ⁸⁰ Иными словами, в полицентричном социальном мире, лишенном духовно-нравственного центра, не существует никаких ограничений для того, чтобы легитимировать какие-либо действия или деятельность отдельного лица, группы, партии, структуры или целого государства. Но в этом случае люди, воспринимая институциональный процесс как сферу чуждых, навязанных смыслов, потенциально готовы к протесту и сопротивлению. И тогда преодоление возможных отклонений и поддержание социального порядка требует двух вещей – усиления манипуляции в процессе легитимации и усиления репрессивного механизма. Оба действия ведут к увеличению напряженности в обществе и формированию ситуации социального взрыва.

Кроме того, возможность отклонения возрастает, как только институты становятся реальностями, оторванными от первоначальных процессов, в контексте которых они возникли. Так всегда происходит при усиленном заимство-

⁸⁰ Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. – М: «Academia –Центр» «МЕДИУМ», 1995. – С.159.

вании зарубежных институтов, чем грешит отечественный нормотворческий процесс, исповедующий, как правило, способ аналогов, а не путь постижения культурно-исторических кодов. «Более вероятно, что отклоняться индивид будет от тех программ, которые установлены для него другими, чем от тех, которые он сам для себя устанавливает»⁸¹.

Позитивный смысл духовно-нравственного центра культурного пространства раскрывается через понимание института как социально справедливого способа перехода к новому социальному состоянию, при котором будет достигнуто более полное удовлетворение интересов и большей части членов общества. Иными словами, успех институционального процесса связан с его нравственным аспектом, который предполагает осознанный выбор человеком пути самоограничения во имя собственного и общего блага. В этом случае институциональный процесс воспринимается как сфера лично выстраданных и пережитых смыслов.

Социокультурное развитие с опорой на ядро культуры, т.е. не предполагающее смену культурной идентичности, позволяет людям сохранить достоинство, уверенность в себе, способность к сознательному выбору, сопряженному не столько с гедонистическими ожиданиями, сколько с готовностью к самоограничению и творчеству. Это обстоятельство приобретает особое значение в условиях масштабных изменений в цивилизационных структурах глобального мира, обусловленных острой критикой теории модернизации, понимаемой как возможность единственной версии современности, порождаемой рядом экономических процессов, всегда оказывающих схожее влияние на общество.

В контексте этих глобальных процессов делается очевидной слабость теоретико-методологических оснований современной государственной политики, целью которой, похоже, является воспроизведение той версии современности, которая годится только для Запада.

⁸¹ Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. – М: «Academia –Центр» «МЕДИУМ», 1995. – С.104.

Имеется в виду, что современное развитие России конструируется в контексте эконоцентризма. Экономическая система, являясь по большому счету творением человека и потому явлением культуры, тем не менее, оказалась вознесенной и над человеком, и над культурой. Процесс «расколдовывания» мира (М.Вебер), начавшийся в Западной Европе во времена Реформации, послужил основанием «новой социальной религии» (Н.А.Бердяев), т.е. «обожествления» экономической деятельности как сферы приложения «врожденной религиозной установки» (К. Юнг) человека.

Э.Фромм полагает, что таким образом человек был психологически подготовлен к принятию новых для себя ценностных ориентаций на экономическую деятельность, успех и материальную выгоду. «Все человеческие усилия должны быть направлены на увеличение темпов роста экономической системы, умножение капитала, причем не ради собственного благополучия, а ради самого капитала. Человек стал маленькой деталью одного огромного экономического механизма».⁸²

Утверждение эконоцентризма социального развития в современной России вошло в острое противоречие с ее культурной традицией, ментальными структурами, историческим опытом и с культурно-цивилизационным поиском. Разрушились трансцендентные установки, общество фрагментировалось, утратив ценностно-смысловую целостность, социальный мир стал автономным по отношению к культурному, человек, утратив субъектность, превратился в один из ресурсов экономической системы, а культура – в инструмент приспособления человека к этой системе. То, что хорошо для западного обывателя, для русского человека – буквально смерти подобно⁸³.

Пренебрежение к аксиологической системе русской общественной жизни оборачивается деструкциями не только в поведении людей и в социальных процессах, но и в самих основаниях воспроизводства личностного бытия. Это

⁸² Фромм Э. Бегство от свободы. Человек для себя. - Мн.:ООО «Попурри». 1998, - С 137.

⁸³ См.: Сулакшин С.С. Российский демографический кризис. От диагностики к преодолению.- М: 2006.

выражается в дефиците воспроизводимых социумом личностей, масштаб деятельности которых соответствовал бы сложности стоящих задач и был бы основан на приоритете высших ценностей, в первую очередь, ответственности и долга. «Произошло страшное, - говорил в одном из последних своих интервью видный русский философ А.А. Зиновьев, - человек разрушен, его почти не существует. Еще появляются на свет отдельные индивидуумы, но человек как некое целостное образование, как явление, оказывающее влияние на ход исторического процесса, более не существует»⁸⁴.

Формирование социальной мотивации и социальной аскезы как основания социальной ответственности – важнейшая задача социокультурного воспроизводства. Ее решение видится в контексте усиления аксиологического аспекта социальной жизни и государственной политики. Наше будущее определяется теми ценностями, в которые мы веруем сегодня. Внимание к ценностно-смысловому аспекту общественной жизни и общественного устройства позволит открыть новые смыслы и понятия, выходящие за границы экономического подхода, решить многие, ныне не решаемые проблемы, такие, как консолидация общества, развитие патриотизма и причастности к общему благу, обеспечение национальной и индивидуальной идентичности, а главное – воспроизводство Человека.

Ценностная вертикаль как духовный центр культурного пространства, по мысли П.Сорокина⁸⁵, содержит основные нравственные ценности, имеющие абсолютный характер и восходящие к мировым религиям, а также относительные, вторичные ценности - ценности социальные, в том числе правовые, являющиеся продуктом конвенции членов общества. Очевидно, что в соответствии с отечественной культурной традицией правовое общество не может стать итогом отечественной истории; оно должно быть дополнено регуляторами культурно-нравственного характера.

⁸⁴ Зиновьев А.А. Я мечтаю о новом человеке. – М., 2007. – С.229.

⁸⁵ Сорокин П.А. Социальная и культурная динамика. – СПб.: Изд-во Русского Христианского гуманитарного Ин-та, 2000. – С. 479.

Усиление значения аксиологической системы в общественной жизни требует от государства определения своего места в этой системе. Очевидно, что ему надлежит взять на себя роль «стража» ценностей, обеспечивающих идентичность нации, т.е. ядра культуры. Именно аксиологический аспект государственного контроля СМИ, рекламы и других каналов трансляции социокультурного опыта восстановит целостность культурного пространства, не позволит «размыться» ценности, поддерживающие единство нации и воспроизводство Человека. При этом, если федеральный уровень несет ответственность за базовые ценностные устои бытия, иными словами, - за устойчивость культурно-нравственных границ, в которых осуществляется общественное бытие, то региональный уровень ответственен за развитие вариативности, т.е. периферии культуры в установленных культурно-нравственных границах. Муниципальный уровень призван к обеспечению творческой активности граждан, к освоению ими культурных форм поведения и конструированию новых культурных пространств.

Благодаря изложенному подходу удастся восстановить и целостность культурного пространства, и утвердить единство в многообразии, т.е. усилить ядро культуры не за счет периферии, а одновременно с ее развитием – вариативностью культуры. Главное – это открывающаяся перспектива преодоления отчуждения и творческой самореализации граждан. Следует заметить, что в условиях российского общества процессу децентрализации и либерализации всегда должен сопутствовать процесс усиления аксиологической системы. К сожалению, в современной модернизации России экзистенциально-духовный, нравственно-культурный пласт ее бытия оказывается неучтенным, что является деструктивным фактором социокультурного воспроизводства.

Между тем концепция социокультурного воспроизводства предполагает преодоление не только эконоцентризма, но одновременно и антропоцентризма в его либерально-западном понимании, восходящем к Просвещению и

подвергнутому критике «как логический результат программы саморазрушительной духовной и общественной рационализации».⁸⁶

Имеется в виду, что государство должно исходить из понимания того, что каждый человек обладает непреходящей ценностью, но в то же время осознавать, что каждый человек, будучи внутренне гетерогенным, крайне нуждается в нравственных ценностных ориентациях, помогающих ему при всех обстоятельствах оставаться Человеком.

Большой интерес, с этой точки зрения, представляет проект общественно-го устройства, сформированный русскими религиозными философами, в котором определяющая роль принадлежит культурно-субъективному фактору – личностному пространству выражения духовно-нравственного потенциала. Они указали на специфику российского общества как традиционно направленного и на объединение отдельных индивидов и народов, и на удержание связи с трансцендентным началом. Именно последнее обуславливает потребность и способность личности к самотрансценденции, как пространству и содержанию ее духовного поиска. Иными словами, им удалось совместить потребность свободы с интенцией нравственного саморазвития. Западному пафосу «как можно больше свободы» здесь противостоит пафос «как можно больше нравственности» как основания свободы. За противоположностью Запада и России русские мыслители видели, по мысли Г.Флоровского, «антитезу принуждающей власти и творческой свободы», а еще глубже – антитезу «разума и любви»⁸⁷.

В заключение подчеркнем, что современная Россия остро нуждается в концепции социокультурного воспроизводства, основной целью которой выступает воспроизводство духовно, нравственно и физически здорового человека. Основными объектами внимания при этом становятся личность-культура-общество, т.е. антропосоциокультурная система. Если учесть, что Россия взяла

⁸⁶ Хабермас Ю. Между натурализмом и религией. Философские статьи. - М.: Издательство «Весь мир», 2011. – С.103.

⁸⁷ Флоровский Г.В. Из прошлого русской мысли.- М.: Аграф, 1998. – С.40

на себя серьезные обязательства по реализации концепции устойчивого развития⁸⁸, то, вероятно, объектом внимания должна стать и биосфера. В таком случае речь идет об эколого-антропосоциокультурной системе. Экономические цели при таком подходе являются вторичными по отношению к цели сохранения целостности среды обитания и здоровья (физического и духовного) человека.

В качестве основных задач концепции могут выступить: формирование для каналов трансляции социокультурного опыта (образования, СМИ, культуры и искусства) государственного заказа на развитие богатого внутреннего ценностно-смыслового мира человека; утверждение в социальной и экономической сфере приоритета творческой самореализации личности; усиление традиционно-культурного и историко-религиозного контекста в организации общественной жизни; формирование организационного механизма социокультурного воспроизводства, основанного на широких межотраслевых и территориально-отраслевых связях и единой теоретико-методологической основе.

Целевыми индикаторами являются: рост устойчивости личности, проявляющийся в минимизации депрессивных состояний, болезненных зависимостей, подростковых и юношеских суицидов, в сокращении количества безответственных массовых акций, экстремальных группировок; утверждение в человеческой жизни ценностей - смысла жизни, ответственности, долга, добросовестного отношения к делу, порядочности, сотрудничества; сокращение пространства девиаций; рост терпимости и доброжелательности в социальных отношениях, консолидация общества, обретение национальной идентичности; восстановление полноты и глубины культуры, выражающихся в наличии ее ценностно-смысловой иерархии, в социальной востребованности надматериальных ценностных мотивационных установок, особенно – нравственного характера; расширение социального пространства реализации творческого потенциала личности.

⁸⁸ Указ Президента РФ от 1 апреля 1996 г. № 440 «О Концепции перехода Российской Федерации к устойчивому развитию».

Важнейшим инструментом социокультурного воспроизводства выступает государственная культурная политика, направленная на фокусирование меняющихся приоритетов. Теоретико-методологическое сопряжение государственной культурной политики с концепцией социокультурного воспроизводства общества возвысит статус культуры и расширит отраслевые границы современной культурной политики.

Заключение

Смена парадигмы государственного управления предполагает, прежде всего, изменение представления о человеке, с опорой на которое конструируются те или иные государственные управленческие решения.

В настоящее время преобладает представление «человек экономический», в контексте которого проявляется и одновременно формируется человеческая направленность на потребление и обладание. В логике подобного взгляда на человека государство почитает своей целью, обязанностью и своей заслугой обеспечение приемлемого и все возрастающего экономического уровня потребления. Этот процесс возрастания потребления, не ведающего ограничений, поглощает все больше природных и рукотворных ресурсов, опустошая планету и самого человека, которому остается лишь свобода самоутверждения в виде одного из ресурсов экономической системы.

При этом перед структурами государственного управления возникают две сложнейшие проблемы, не имеющие на данный момент конструктивного решения. Первая из них – это способы повышения трудовой мотивации и соответственно производительности труда. Личность, сориентированная на потребление, откликается на выгоду и страх, но использование их в качестве инструментов мотивации, обнаруживает уже большие ограничения. Более надежным средством представляется совершенствование функционального приспособления человека к экономической системе посредством передачи ему соответствующих знаний, умений, навыков и компетенций. Однако и этот потенциал сам по себе не выступает гарантом ни высокой трудовой мотивации, ни социальной ответственности: человек все равно не отказывается от личной выгоды даже в неблагоприятных реальных экономических условиях. Личность с

крайне индивидуализированным сознанием заключает в себе потенциальную угрозу социуму.

Здесь на первый план выдвигается вторая проблема: обеспечение устойчивого социального порядка, решение которой осуществляется в плоскости усиления системно-объектных факторов - слежения, контроля и наказания, словом, ограничения свободы. И, поскольку социальный порядок явно демонстрирует слабость перед лицом нарастающего социального хаоса, можно полагать, что и эта задача остается без оптимального решения.

Дело в том, что субъектно-экзистенциальные, т.е. собственно человеческие начала выходят за границы представлений, поддерживающих современные государственные управленческие конструкции. Они остаются или незначимыми в свете этих представлений, или «недопустимыми», с точки зрения этих представлений. В любом случае, вытеснение или непринятие субъектно-экзистенциальных содержаний, провоцирует нарастание хаоса. Возникает парадоксальная ситуация: процессы организации и регулирования общественной жизни, призванные сформировать основания социального порядка, ведут к росту социального хаоса, поскольку человек оказывается в пространстве априорно чуждых и навязываемых ему смыслов. Существующая система организации общественной жизни постоянно провоцирует его к протесту. Борьба за расширение пространства самостоятельного выбора и приложения собственных сил, как на уровне отдельного индивида, так и целого народа становится основной вехой исторического момента.

Преодоление этих тенденций связывается с углублением представления о человеке, который «не хлебом единым сыт» и его деятельность есть не просто полезная материальная отдача обществу, но всегда - дело, пронизанное возвышенными, общечеловеческими притязаниями на смысл жизни, любовь, творчество, социальную востребованность. Как сказал в свое время Монтень, мера жизни в том, как мы ее использовали. Иными словами, мера жизни определяется ее человеческой, т.е. субъектно-экзистенциальной, нравственной формой.

Поэтому социально-экономическое развитие – это не столько рост экономического уровня потребления на основе развития технологии, сколько расширение пространства творчества, как новых культурных форм, как способа осуществления деятельности, наиболее отвечающего трансцендирующей сущности человека.

Углубление и усложнение представления о человеке как методологической основы государственного управления проявляет себя в востребованности более сложных управленческих инструментов. Первый из них – консенсусная модель управления, призванная нейтрализовать негативные последствия социального механизма принуждения, возникающие всякий раз, когда основополагающие принципы общественной жизни определяются узкой группой людей, облаченных в мантию реформаторов.

Поскольку институты приобретают в глазах общества легитимность в соединении со справедливостью, постольку государственное управление должно иметь дело не только с экономическими показателями, но и с человеческими смыслами. Это значит, что, во-первых, государственные решения, особенно реформаторского характера, должны быть обусловлены ценностно-смысловыми образованиями, имеющими основополагающий характер для общественного бытия. Иными словами, никакое реформаторское действие не должно быть произведено вне культурно-ценностного контекста социальной жизни, в противном случае оно, заключая в себе эгоцентрические содержания, приобретает деструктивный характер, угрожает устойчивости социального порядка. Во-вторых, соблазн использования манипуляции и принуждения как «наработанных» способов реализации государственных решений окончательно преодолевается посредством утверждения ценности настойчивой и кропотливой работы по согласованию интересов и достижению общественного консенсуса. Общество демонстрирует заказ на целесообразный и культуросообразный характер государственного управления. Именно в соответствии с этими критериями оно оценивает его эффективность.

Одновременно общество настаивает на преодолении крайности, как либерализма, так и традиционализма посредством утверждения паритета общественного блага и индивидуальной свободы, которая ни при каких обстоятельствах не может быть осуществлена вне нравственных границ. Откликаясь на эту социальную потребность, государственное управление принимает логику делиберативной модели, одним из проявлений которой выступает формула постсекуляризма Ю.Хабермаса.

Резюмируя изложенное, подчеркнем, что общий и главный смысл социокультурной парадигмы государственного управления заключен в открывающейся возможности сбалансирования системно-объектных (функциональных, инструментальных) и субъектно-экзистенциальных (смысложизненных) содержаний в организации общественной жизни, что, в свою очередь, поможет выявить новые мотивирующие и вдохновляющие смыслы, а также преодолеть тенденции нарастания социального хаоса.

Список литературы

1. Алексеев П.В. Социальная философия. – М.: Изд-во «Проспект», 2005.
2. Базовые ценности россиян: Социальные установки. Жизненные стратегии. Символы. Мифы/отв. ред. Рябов А.В Курбангалеева Е.Ш. - М.: Дом интеллектуальной книги, 2003.
3. Бауман З. Индивидуализированное общество. – М: Логос, 2002 .
4. Барулин В.С. Основы социально-философской антропологии. – М.:АКЦ Академкнига, 2002.
5. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. – М: «Academia –Центр» «МЕДИУМ», 1995.
6. Бердяев Н.А. Философия свободы. – М.: «Сварог и К», 1997.
7. Бжезинский З. Выбор: Мировое господство или глобальное лидерство. М., 2005.
8. Бойков В.Э. Государственная служба. Взгляд изнутри // Социс, 2003, № 9.
9. Братусь Б. С. Психология. Нравственность. Культура. – М.: «Менеджер»; РОСПЕДАГЕНСТВО, 1994.
- 10.Гордон Т. Лидерство и управление: группоцентрированный подход // Роджерс К. Клиентоцентрированная терапия. - М.: 1997.
- 11.«Городская целевая программа по административной реформе в городе Москве на 2011-2013г.г.» //«Вестник мэра и Правительства Москвы». 2010, №61.
- 12.Гусейнов А.А., Апресян Р.Г. Этика: Учебник. – М.: Гардарики, 1998.
- 13.Джерелиевская И.К. Процесс становления и реформирования государственной гражданской службы: культурно-нравственный ракурс анализа // Управление мегаполисом, 2011. № 6.
14. Доклад зарубежных экспертов о культурной политике России // Культурная политика России. История и современность. Два взгляда на одну проблему. Под ред. И.А. Бутенко, К.Э.Разлогов . - М., 1998.
- 15.Зинченко В. П., Моргунов Е. Б. Человек развивающийся. - М.: Тривола, 1994.
16. Зиновьев А.А. Я мечтаю о новом человеке. – М., 2007.
17. Ильичева И .М. Духовность в зеркале философско-психологических учений. - М., - Воронеж: Московск.психолого-педагогический ин-т, 2003.
- 18.Капитонов А.Э., Зинченко Г.П., Капитонов Э.А. Корпоративная культура: теория и практика. - М.: 2005.
19. Кларин В.М., Петров В.М. Русская религиозная философия воспитания XIX – XX вв. М.: МП «Кодекс», 1994.
20. КОРТУНОВ С.В. Становление национальной идентичности: Какая Россия нужна миру. – М.: Аспект Пресс, 2009.
- 21.Кузнецов И.Н. Корпоративная культура. - М.: 2006.

22. Леонтьев Д.А. Психология смысла.: природа, строение и динамика смысловой реальности. - М.: Смысл, 1999.
23. Лобок А.М. Антропология мифа. – Екатеринбург: Отд.образов. администр. Октябрьского района, 1997.
24. Лысова А. В. Насилие на свиданиях в России. // Социс, 2006, №2.
25. Межуев В.М. Время труда и время свободы. // Личность. Культура. Общество. 2008. Т.Х. Вып. 2 (41).
26. Межуев В.М. Россия и Европа: возможен ли диалог? // Личность. Культура. Общество. 2008. Т.Х. Вып. 1(40).
27. Митрополит Кирилл: Участие в программе «Национальный интерес» (телеканал «Россия» 13.06.2006) [http:// www.mospat.ru/ archive/31791.htm](http://www.mospat.ru/archive/31791.htm), доступ 29.11.2012).
28. Нормативное правовое обеспечение реформирования государственной гражданской службы в России // Аналитический вестник Совета Федерации ФС РФ. – 2010, №14 (400).
29. Одайник В. Психология политики. - М.: «ЮВЕНТА»,1996.
30. Ортега – и – Гассет Х. Восстание масс. // Психология масс. – Самара: Издательск. Дом «БАХРАХ», 1998.
31. Пелипенко А.А. Культура как неизбежность (о субъектном статусе культуры) // Личность. Культура. Общество. 2009. Т.ХI. Вып. 1., №№ 46 – 47.
32. Платон Соч.: в 3 т. Т.1. – М., 1971.
33. Пригожин А.И. Социология организаций. – М.: Наука, 1980.
34. Ракитов А.И. Цивилизация, культура, технология, рынок. // Вопросы философии. 1992. №5.
35. Реале Дж., Антисери Д. Западная философия от истоков до наших дней. В 4 т. Т.1 - СПб, 1994.
36. Рих А.Г. Хозяйственная этика. М., 1996.
37. Резник Ю.М. За пределами культуры и социальности: проблема трансперсональности // Личность. Культура. Общество. 2009. Т.ХI Вып.1. №№ 46-47.
38. Романов В.Л. Социальная самоорганизация и управление. // Социальное управление: Курс лекций.- М.: РАГС, 2000.
39. Салагаев А. Л., Шашкин А. В. Молодежные группировки - опыт пилотного исследования. // Социс, 2004, №9.
40. Сорокин П.А. Социальная и культурная динамика. – СПб.: Изд-во Русского Христианского гуманитарного Ин-та, 2000. – С. 479.
41. Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество.- М.: Политиздат, 1992.
42. Спивак В.А. Корпоративная культура. Теория и практика. - М.: 2001.
43. Степин В С., Толстых В.И. Демократия и судьбы цивилизации. // Вопросы философии, 1996, №10.
44. Сулакшин С.С. Российский демографический кризис. От диагностики к преодолению .- М: 2006.
45. Тапилина В. С. Сколько пьет Россия? Объем, динамика и дифференциация потребления алкоголя.// Социс, 2006, №2.

46. Творения святейшего Гермогена, патриарха Московского и всея Руси. - М., 1912.
47. Уайтхед А. Н. Наука и современный мир // Заблуждающийся разум. Многообразиих венауного знания. – М.: 1990.
48. Узланер Д. От секулярной современности к «множественным»: социальная теория о соотношении религии и современности// Государство, религия, церковь в России и за рубежом. - 2012, №1 (30).
49. Указ Президента РФ от 1 апреля 1996 г. № 440 «О Концепции перехода Российской Федерации к устойчивому развитию».
50. Управление персоналом: Учебник/ под ред. Т.Ю. Базарова, Б.Л. Еремина – М.: ЮНИТИ, 1998.
51. Устьянцев В.Б. Жизненное пространство человека: ценностные и институциональные начала // Современная парадигма человека. – Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 2000.
52. Федеральная программа "Реформирование и развитие системы государственной службы Российской Федерации (2009-2013 годы)" // "Российская Газета". N 40 от 11 марта 2009 г. (столичный выпуск), N 41 от 12 марта 2009 г. (федеральный выпуск).
53. Флиер А.Я. Неизбежна ли культура? (О границах социальной полезности культуры); // Личность. Культура. Общество. 2009. Т.ХI. Вып. 1., №№ 46–47.
54. Флиер А.. Культурология для культурологов. – М: Согласие, 2010.
55. Флоровский Г.В. Из прошлого русской мысли.- М.: Аграф, 1998. – С.40
56. Франкл В. Человек в поисках смысла. - М.: Прогресс, 1990.
57. Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности. М.: Изд-во АСТ: Астрель, 2012.
58. Фромм Э. Бегство от свободы. Человек для себя. - Мн.:ООО «Попурри». 1998.
59. Фромм Э. Здоровое общество // Психоанализ и культура: Избранные труды Карен Хорни и Эриха Фромма. М.: Юрист, 1995.
60. Фукуяма Ф. Великий разрыв. – М.:АСТ, 2008.
61. Хабермас Ю. Между натурализмом и религией. Философские статьи. - М.: Издательство «Весь мир», 2011. – С.103.
62. Штомпка П. Социология социальных изменений. - М.: Аспект-Пресс, 1996.
63. Эйзенштадт Ш. Новые религиозные констелляции в структурах современной глобализации и цивилизационная трансформация.// Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2012. №1 (30).
64. Эммонс Р. А. Психология высших устремлений: мотивация и духовность личности. - М.: Смысл, 2004.
65. Этциони А. От империи к сообществу: новый подход к международным отношениям.- М.: Ладомир, 2004.
66. Юнг К.-Г. Архетип и символ.-М.:RENEISSANCE, 1991.